

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ОЛЬГА КУНО ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА

ПОВЕНЧАННЫЕ
ВРЕМЕНЕМ

Звезды романтического фэнтези

Ольга Куно

Повенчанные временем

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куно О. А.

Повенчанные временем / О. А. Куно — «Издательство АСТ»,
2022 — (Звезды романтического фэнтези)

ISBN 978-5-17-152876-8

Любой правитель обязан жениться, чтобы произвести на свет законного наследника. Дайон, герцог Левансийский, привык к одиночеству и изо всех сил старался отсрочить неизбежное. Но что делать, если на свадьбе настаивают все кругом? Остается смириться и... бежать, дабы хоть на пару часов ощутить глоток свежего воздуха. Кто же мог знать, к чему приведет такой побег? Придется забыть на время привычную жизнь, встретиться с демонами прошлого и влюбиться по уши. А заодно попытаться понять, что важнее: чувства или долг. Или, быть может, то и другое все-таки можно совместить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152876-8

© Куно О. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Куно, Екатерина Каблукова

Повенчанные временем

© О. Куно, Е. Каблукова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Тьма. Тяжелая и вязкая, она обволакивает тяжелым облаком, не давая вздохнуть. Тишину нарушают шаги. Холодный пот струится по лбу, а сердце начинает бешено колотиться в груди. Неужели все? Стражники войдут в камеру, инквизитор монотонно зачитает приговор, его выведут на площадь...

– Дайон... – шепот за стеной. Осторожный, едва слышный, будто человек боится быть обнаруженным. – Дайон...

Глупая надежда наполняет душу. Неужели сейчас дверь камеры откроется?..

– Кто здесь? – Он приникает к решетке, до боли в глазах вглядываясь в темноту.

– Я... я – друг.

Внезапная, глупая радость, охватывающая его после этих слов, почти сразу сменяется недоверием:

– У меня еще есть друзья?

– Их много. Просто они пока не смогли сюда добраться. Но я для этого и пришел – сказать, что осталось недолго. Тебя отсюда вытащат.

– Когда? – Он старается, чтобы голос звучал твердо, но все равно срывается на тонкие ноты.

– Через месяц. Понимаю, это немалый срок, но я хочу, чтобы ты твердо знал: твоё заточение закончится.

Тот человек, что за стеной, тяжело вздыхает.

– Но ты уже здесь. Если ты – друг, как утверждаешь, почему не можешь освободить меня сейчас?

– Я не могу.

Почему-то кажется, что человеку с той стороны двери в эту секунду еще более жутко, чем самому Дайону.

– Что значит «не могу»? – Он пытается надавить на собеседника, цепляется за невероятно тонкую ниточку надежды. – Я тебе приказываю, слышишь? Ты – мой подданный?

Молчание. Тишина, прерываемая только биением сердца и сбивчивым дыханием.

– Это слишком сложный вопрос, – наконец доносится из-за дверей.

Дайон скрежещет зубами. Что в этом вопросе может быть сложного?! Но черт с ним... Лишь бы этот человек, хотя бы назвавшийся другом, не ушел, оставив юного герцога в темноте подземелья.

– Ты – левансиец?

– Да.

Теперь тот, другой, отвечает практически мгновенно, и голос звучит уверенно.

– Значит, ты обязан выполнить мой приказ.

Хочется топнуть ногой, но он давно не позволяет себе проявления эмоций. Любая эмоция – это слабость, а ему надо быть сильным. Ради своих поданных, ради Денизы, ради самого себя, наконец...

Грустный смешок раздается за дверью.

– Наверное, я – единственный левансиец, на которого не распространяется это правило... – И снова по голосу кажется, будто незнакомец терзается не меньше, чем сам Дайон. – Нонсенс, конечно... Но здесь все нонсенс.

Все нонсенс... Герцог открыл глаза и вздрогнул. Спальня была чужой. Затянутые золотистым шелком стены, огромная кровать под тяжелым балдахином, резной прикроватный столик, на котором стоял стакан с водой. Стоит ли ее пить или она отравлена? Отголоски сна были

еще свежи в памяти. Дайон тряхнул головой и решительно взял стакан. Свежая вода прояснила мысли.

Герцог еще раз обвел взглядом комнату. Ах, да, он же в Эвендейле.

Прибыл два дня назад с визитом к эрлу Раймонду Ковентеджу, правителю графства и по совместительству мужу сестры.

Элинор л'Эстре, старшая сестра герцога Левансийского, известная в узком кругу посвященных как бывший младший агент левансийской разведки Дениза Арсе, ныне графиня Ковентедж, давно зазывала брата в гости. Он упорно откладывал визит, пока, наконец, во время очередного визита в Левансию, сестра не пригрозила заковать его в кандалы и вывезти силой, даже если для этого ей придется запихнуть брата в сундук.

– Надеюсь, что не по частям, – отшутился он.

Дениза ответила мрачным взглядом, и герцог понял, что дальнейшие отговорки неуместны. Пришлось отдавать соответствующие распоряжения Юрбену, личному секретарю, и Ферранту, приближенному лицу и главе левансийской разведки.

Наконец, после многочисленных согласований, визит состоялся. Так что теперь Дайон находился в гостевой спальне замка эрла Раймонда Ковентеджа. И вряд ли эрл, несмотря на многочисленные разногласия в прошлом, желает отравить герцога Левансийского.

Дайон одним глотком допил воду и встал. Ему не стоило ехать сюда в такое время. После пережитых в юности испытаний, герцог Левансийский всегда плохо спал в чужой обстановке, а тут еще и апрель – время, когда прошлое особо настойчиво настигало его в сновидениях, а головные боли обострялись, становясь невыносимыми.

Звать слуг Дайон не стал – волосы слиплись от пота, а ему не хотелось, чтобы кто-то посторонний прознал о его кошмарах и донес Денизе. Не стоило тревожить сестру по пустякам. Быстро приведя себя в порядок, герцог вышел из комнаты. Замок только просыпался: где-то хлопали двери, на кухне повара разжигали огонь в печи. Не желая столкнуться с челядью и породить кучу ненужных сплетен, Дайон спустился во внутренний двор, где был разбит небольшой сад.

Скрытый от посторонних глаз сад, куда имели доступ только хозяин замка и близкие ему люди, только начинал пробуждаться от зимнего сна. Нежная листва едва проклюнулась на ветках, на клумбах отцветали крокусы, готовые уступить свое место тюльпанам и нарциссам.

Цветы Дайона трогали мало, как и наступившая, наконец, поздняя весна. Как всегда, после ночных кошмаров мысли путались, а стук сердца отдавался в ушах громким гулом. Поежившись (утро было морозным), герцог подошел к колодцу и решительно вылил на себя ведро воды. Нервная дрожь сменилась дрожью от холода, естественной, понятной, не пугающей. Он прислонился к деревянному вороту, чувствуя, как ледяные капли струятся по телу, унося с собой вязкий страх ночи.

– Ты рано проснулся. – Дайон резко обернулся. Дениза стояла за спиной, недовольно морщась от ледяных брызг. – Опять снились кошмары.

Она не спрашивала, а утверждала, и отпираться не имело смысла.

– Не волнуйся. Я уже к ним привык, – проворчал герцог, присаживаясь на край колодца.

Дениза покачала головой. Она прекрасно знала, сколь тяжелы бывали ночи брата, особенно в чужой спальне.

– Если бы я могла вытащить тебя оттуда раньше, – прошептала она.

– Это все равно ничего не изменило бы, и ты прекрасно это знаешь. – Дайон скользнул взглядом по ее стройной фигуре. Дениза была одета в бриджи и рубашку, на предплечьях красовались кожаные браслеты со специально изготовленными ножами, из которых торчали рукояти кинжалов. – Опять повышала свою меткость?

– Не хочу терять навык. – Она небрежно пожала плечами.

– И как успехи?

– Почти идеально!

– Почти? – хмыкнул Дайон, доставая из голенища сапога нож и почти не глядя кидая его в мишень. Точно в центр.

Непосвященные здорово удивились бы, обнаружив у герцога такие таланты. Им и не положено было знать. Бессонница оставляет много часов для тренировок, а чувство уязвимости, привитое в юные годы, способствует мотивации. Впрочем, наверное, наследственность тоже сыграла определенную роль: меткость явно была семейной чертой.

– Почти. – Едва заметным движением Дениза выхватила клинки и отправила их вслед за ножом герцога один за другим. Они вонзились по обе стороны от рукоятки.

Дайон склонил голову набок, внимательно рассматривая пораженную цель, потом перевел взгляд на сестру.

– Ты поссорилась с Ковентеджем?

– С чего ты взял? – приподняла брови Дениза.

Дайон насмешливо улыбнулся:

– Так да или нет?

– Да! То есть нет. Вернее... – Дениза опустила голову. Нерешительность была ей крайне не свойственна, и герцог нахмурился.

– Мне увезти тебя с собой?

– В кандалах и сундуке? – грустно рассмеялась Дениза.

Дайон закатил глаза:

– Все не можешь забыть те опрометчивые слова?

– Феррант воспринял их буквально.

– Феррант – осел. Но исполнительный и преданный Левансии.

– Феррант – умный человек и предан тебе, Дайон, как и все мы. – Дениза подошла ближе и ласково откинула челку со лба герцога, как часто делала прежде, когда жила в Левансии. – Все-таки тебе надо жениться.

– Надеюсь, не на Ферранте?

– Он не подходит для семейной жизни, – ответила она с грустинкой в голосе, будто Дайон высказал такое предположение всерьез. – Как, впрочем, и я... Странно, что Раймонд до сих пор этого не понял.

– Может, это ты не поняла, что отлично для нее подходишь?

Дайон с нежностью потрепал сестру по волосам. Она вздохнула:

– Увы, я все понимаю. Даже слишком хорошо.

Дениза решительным шагом направилась к дереву, извлекла из ствола клинки и вернулась на позицию.

– Ты позволишь? – полушутливо поинтересовался Дайон, устанавливая новую мишень взамен испорченной. Судя по следам на рыхлой земле и отметинам на стволе, сестра тренировалась часа два. Значит, она либо злилась, либо была чем-то расстроена.

– Не скажешь, в чем все-таки дело? – как можно небрежнее спросил он, вставая рядом с Денизой.

Та хищно прищурилась, прицеливаясь.

– Я беременна, – словно невзначай сказала она и метнула кинжал. Попала точно в середину.

– Что?.. Ты?.. А...

Рука дернулась и нож улетел в «молоко». Дайон даже не заметил этого, растерянно глядя на сестру. Он никогда не думал о ней в таком ключе.

Денизу можно было представить на поле битвы, раздающей направо и налево меткие, смертоносные удары. Сидящей в тесном подвале и, согнувшись над столом, рисующей карту

местности для других подпольщиков. Блещающей на балу и виртуозно пускающей пыль в глаза иностранных агентов. Но никак не матерью.

Во всяком случае, сколько герцог ни пытался представить ее в этой роли, ему не удавалось. Хотя, казалось бы, разве не к этому шло? Не зря же она полгода назад вышла замуж за Раймонда Ковентеджа, переехала к нему в Эвендейл и оставила работу агента. Вернее, агента Левансии. Насколько Дайону было известно, сестра успешно консультировала разведку Эвендейла. Впрочем, он тоже иногда получал от нее нужные Левансии сведения.

– Но... это же замечательно! – неуверенно проговорил он, всеми силами стараясь заставить себя чувствовать то, что говорит. – Ты рада?

– Безумно, – мрачно ответила Дениза, идеально отработанным движением извлекая второй кинжал. Брата-близнеца первого. – Материнство – это счастье. Наверное.

С этими словами она метнула оружие в мишень. Опять в точку.

– Я что-то об этом слышал.

– Любая женщина не может желать лучшей участи, – процедила сквозь зубы она. Направилась к дереву и снова выдернула клинки. – Любящий муж, дети, домашний очаг и что там еще...

– Но не ты.

– Но не я.

– Понимаю.

Дайон действительно понимал. Денизе было необычайно тяжело. Прошедшая через невероятное число невзгод, приключений и авантур, она оказалась совершенно не готова к такой ожидаемой, казалось бы, роли. И теперь чувствовала себя растерянной, даже испуганной. А потому искала успокоения в занятии, которое было ей знакомо и привычно.

Он вздохнул и обнял сестру за плечи, мягко привлекая к себе. Как в старые времена, Дениза прижалась лбом к его плечу, ища поддержки.

– Что, если я не смогу? – тихо спросила она.

– Ты будешь прекрасной матерью, – искренне уверил герцог. – Мальчику никогда не будет с тобой скучно, а девочку ты сможешь научить постоять за себя!

Она фыркнула, а потом шмыгнула носом и отстранилась, чтобы смахнуть ладонью слезы.

– Извини, в последнее время я сама не своя.

– Почему ты не сказала мне вчера?

– Не бросаться же на тебя с порога такими новостями!

– Ковентеджу ты сказала, – проворчал Дайон.

Дениза ошеломленно взглянула на брата.

– Дайон! Он – отец ребенка!

– Угу, – хмыкнул герцог. – Для этого, знаешь ли, большого труда не требуется.

Дениза покачала головой:

– Все еще не можешь забыть вашу размолвку?

– У меня хорошая память. Я вообще не умею забывать... ничего.

– Хочешь, я поговорю...

– Я – большой мальчик, Дениза, – оборвал ее Дайон. – И могу сам о себе позаботиться.

Он фальшиво улыбнулся и предпочел вернуться в свою комнату. В душе царил сумбур.

Привыкший быть честным с самим собой, Дайон прекрасно осознавал, что не так рад только что услышанной новости, как положено быть любящему брату. Не потому, что недостаточно любил Денизу. Скорее наоборот. Сестра была единственной ниточкой, которая связывала его с настоящей жизнью, в противовес *существованию*.

Эта нить истончилась, когда Дениза вышла замуж и уехала в Эвендейл – событие, которому Дайон не только не препятствовал, но и, напротив, поспособствовал. Он понимал, что

теряет очень близкого человека, но Дениза заслуживала своего счастья, пусть и с тем, кто много лет назад от нее отказался.

Опасения герцога, что брак сестры окажется неудачным, оказались напрасными, и Дайон был этому рад, хотя понимал, что их общение с сестрой не будет прежним.

Рождение ребенка грозило окончательно разорвать хрупкую связь. Именно теперь графиня Ковентедж остепенится по-настоящему, полностью погрузится в семью, перестанет надолго выезжать из замка супруга, и ее общение с братом станет ограничиваться все более короткими письмами на дни рождения и большие праздники.

Дайон знал, что это неизбежно, но не ожидал, что все произойдет так быстро. И что ему будет невыносимо тоскливо думать об этом. Тяжело вздохнув, он потянулся за колокольчиком, чтобы вызвать слуг – следовало привести себя в порядок, пока никто не имел счастье лицезреть герцога Левансийского небритым и без камзола.

Огромные напольные часы пробили десять ровно в тот момент, когда Дайон, тщательно одетый, вошел в кабинет хозяина замка. Лишь влажные волосы напоминали сейчас об утреннем разговоре с сестрой.

– Эрл.

– Доброе утро, герцог!

Мужчины холодно взглянули друг на друга. Несмотря на внезапное родство, память о разногласиях, едва не приведших к войне, была слишком свежа.

– Как я понимаю, вас можно поздравить? – Дайон, как старший по титулу, первым нарушил затянувшееся молчание.

Ковентедж усмехнулся:

– Скорее уж посочувствовать!

– Вот как? – Лед в голосе герцога мог заморозить все графство.

Раймонд вздохнул:

– Не стану отрицать, я очень рад, но Дениза...

– Дениза?

– Она стала какой-то нервной. Вчера вечером увидела мертвую бабочку и рыдала битых полчаса!

Дайон пожал плечами:

– Женщинам свойственна сентиментальность.

– Мы говорим о Денизе? – приподнял бровь Раймонд. – Твоей сестре, которая в шестнадцать лет боролась за освобождение Левансии, оставляя за спиной горы трупов? Потом ездила по стране с отрядом карателей, дальше служила агентом тайной службы...

– Можешь не продолжать. – Когда речь заходила о Денизе, они нередко переходили на ты, хотя Дайон в целом предпочитал более официальную форму общения.

– А еще она боится, – мрачно сообщил Ковентедж.

– Дениза?! Быть не может! Чего?

– Того, что этот ребенок станет еще и твоим наследником!

Дайон недоуменно нахмурился:

– А что в этом плохого?

– Унаследовать огромное герцогство? Хорошего тоже мало. Будем откровенны, Дайон, из-за этих земель пролито слишком много крови.

– Из-за твоего графства тоже.

– Не спорю, но масштабы... Скажи, ты сам не задумывался о женитьбе? – напрямую спросил Раймонд.

– Нет, – слово далось с трудом, словно герцог предавал сестру.

– Тогда я настоятельно рекомендую подумать! Левансии нужен наследник, и им не может стать следующий эрл Ковентедж!

– Может быть, нам лучше начать обсуждать торговые пошлины. Пока я не занялся свадебными приготовлениями. – Дайон не потрудился скрыть иронию в голосе.

Раймонд скептически хмыкнул, но достал из шкатулки проект договора. Герцог кивнул и углубился в то, что у него хорошо получалось.

Глава 1

– Ваше сиятельство, взгляните на эту! – суетился секретарь герцога Левансийского, понимая, что настал его звездный час. Шутка ли, его сиятельство все-таки возжелал жениться и приказал представить ему список невест.

Дайон уныло посмотрел на очередную миниатюру. То ли художник рисовал по трафарету, то ли секретарь отбирал кандидаток на свой вкус, но с эмали на него смотрела очередная белокурая кукла. Огромные голубые глаза, пухлые розовые губки, легкий румянец на по-детски округлых щеках. Герцог перевел взгляд на старшего агента Ферранта Руажа, как всегда стоявшего по правую руку.

– Младшая и любимая дочь герцога Ксавьенского, – совершенно правильно истолковал молчание правителя тот. – Дебютантка этого сезона. Прилежна, аккуратна, почтительна...

– А герцог Ксавьенский?

– Менее почтителен, ваша светлость.

Дайон вздернул уголок рта, обозначая улыбку.

– Брак с дочерью герцога Ксавьенского выгоден Левансии, – вмешался секретарь. – Он будет способствовать укреплению торговых и политических связей...

– Которые будут рушиться, как только дочурка вздумает пожаловаться папе на мужа, – отмахнулся герцог.

Судя тому, как Феррант опустил голову, скрывая улыбку, он точно угадал характер капризной красавицы. От этого на душе стало еще тоскливее.

Дайон обреченно взглянул на портреты, лежащие на столе.

– Они все совсем юные! Неужели нет никого постарше?

– Видите ли, ваша светлость, как правило, дочери герцогов и графов не засиживаются в невестах. Один-два сезона, и они выходят замуж... – осторожно возразил секретарь. – К тому же не думаю, что лет десять разницы между супругами...

Дайон закатил глаза. Он редко вспоминал, что ему еще нет тридцати. Убийство родителей, смутное время, двухлетнее тюремное заключение и взятая на себя затем ответственность за герцогство заставили его повзрослеть слишком рано. Порой ему доводилось завидовать Денизе, вечно сбегавшей из замка на очередное задание. Сам Дайон сбежать не мог. От этих мыслей на душе стало совсем тоскливо. Он взглянул в окно, за которым щебетали птицы. Везунчики, они-то могут улететь, куда хотят. И точно не обязаны ни на ком жениться...

– А может быть, Йоланта Макстейер? – осторожно предложил секретарь, прекрасно чувствующавший настроение своего господина, но все еще не утративший надежды ему угодить. – Она еще не начала выходить в свет, придется дожидаться осени, но... Она, как-никак, племянница самого короля. Пока у его величества Жерома нет сыновей, лишь две дочери, и если вы женитесь на леди Макстейер, это серьезно повысит шансы...

– Юрбен, тебе лучше не продолжать! – резко оборвал Дайон. Он очень ценил своего помощника и за исполнительность, и за безграничную преданность, но сейчас терпение было на исходе. – Только метить в королевские наследники мне не хватало. С меня вполне довольно и герцогства.

– Но вы могли бы объединить страну, – рискнул продолжить секретарь. Герцог взглянул на него так, что бедняга замолчал и нервно сглотнул.

Дайон не стал комментировать, что в их стране, где каждый герцог сам решает, как устроить жизнь на своей территории, власть короля весьма эфемерна, и управление таким государством – весьма сомнительное удовольствие. Но настроение было окончательно испорчено.

– На сегодня все, – холодно оборонил он.

Юрбен верно понял приказ герцога и, не желая вызвать еще одну волну негодования, поспешил к выходу. Феррант задержался.

– Ваша светлость желает, чтобы я подобрал еще кого-нибудь? – осведомился он.

Дайон подавил желание закатить глаза. Его не покидало чувство, что он – племенной бык, которого везут на ярмарку.

– Нет. Первых семи вполне достаточно. – Он тяжело вздохнул. – Без королевской племянницы, разумеется. Жду подробный отчет по каждой.

Старший агент поклонился и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Дайон резко выдохнул и снова взглянул на портреты, понимая, что одну из этих девушек он будет вынужден впустить в свою жизнь. Завтракать вместе с ней, обедать, принимать гостей, выезжать в свет... В придачу она, чего доброго, станет сочувствовать ему, жалеть... «Бедный герцог, вы так много испытали в юности!» А может, еще и расскажет об этом подругам. Или фрейлинам. Или и тем, и другим.

Но самое ужасное – если она его полюбит. Девушки вообще склонны к романтике, особенно в юном возрасте. А трагическая юность герцога Левансийского придавала ему ореол героя. И вряд ли наивные красавицы задумывались о том, что «герой» два года просидел в подвале, подписывая всевозможные указы по требованию захватчиков. В то время, как другие – даже его собственная сестра! – проливали за герцогство кровь.

Дайон смял в кулаке первый попавшийся под руку лист и швырнул в дверь. Увы, это не дало эмоциям должного выхода: бумага была слишком легкой и даже не долетела до цели. «Бедный герцог» не мог даже докинуть бумажку до стены... «Герой!»

Окончательно разозлившись, он со всей силы саданул кулаком по полированной столешнице. Показалось, что дерево жалобно скрипнуло. Звякнули ящики.

На костяшках заалели капельки крови. Боль отрезвила.

Злость утихла, но это была лишь полумера. Дайон стиснул зубы, борясь с охватившей его яростью.

Он слишком разозлился, позволил себе утратить контроль над эмоциями, сорвался на верных ему людях, что совершенно недопустимо.

Причина была, конечно же, не в исполнительном старшем агенте левансийской службы безопасности, и уж тем более не в жаждавшем порадовать своего господина секретаре. Дайона попросту раздражала предстоящая свадьба. Он не мог отделаться от ощущения, что пошел на поводу у Ковентеджа, Денизы, левансийского дворянства... а ведь однажды он поклялся себе, что никогда больше не будет марионеткой в чужих руках.

Дайон словно наяву услышал вкрадчивый голос из прошлого: «Подпишите, мой герцог!», сопровождаемый шорохом бумаги и стуком опускаемого в чернильницу пера. Так говорил Астор ле Бриенн, советник и правая рука лорда Маркуса, дальнего кузена, захватившего власть в Левансии во время Смуты.

Чтобы упрочить свою власть, Маркус не стал убивать истинного наследника, а провозгласил себя регентом при несовершеннолетнем герцоге. Таким образом, все, кто желал свергнуть регента, формально становились предателями Левансии. Прекрасный ход, подсказанный, в этом Дайон не сомневался, тем самым Астором ле Бриенном. В мозгу яркой вспышкой промелькнуло воспоминание: люди, ворвавшиеся в комнату с оружием, с которого стекала кровь, алые пятна на полу и голос, перекрывающий всеобщее возбужденное веселье: «Мальчишку не трогать! Он нам еще нужен! Вы ведь подпишете указ о регентстве, не так ли, мой герцог?»

Как и тогда, по спине заструился холодный пот, а голову словно сдавило тисками. Дайон до крови закусил губу, сдерживая стон. Он так и не сумел забыть этот голос; напротив, после отъезда сестры вкрадчивый баритон ле Бриенна звучал в голове все чаще. Воспоминания как правило сопровождались приступами. И совершенно не помогал герцогу тот факт, что ле Бриенна давно не было в живых: его нашли заколотым в одной из комнат замка еще до того, как

туда ворвались освободившие Дайона повстанцы. Кто именно заколол мерзавца, оставалось загадкой. При Маркусе он обладал почти абсолютной властью и наверняка нажил себе много врагов. Однако герцог Левансийский был бы рад при случае пожать убийце руку.

...Нельзя позволить хоть кому-то увидеть его в таком состоянии. На людях Дайон л'Эстре всегда оставался хладнокровным, властным, уверенным в себе правителем. Показывать окружающим свою слабость, пусть даже самую незначительную, недопустимо. Этот урок он усвоил много лет назад, в ту самую кровавую ночь, и все эти годы герцог Левансийский неуклонно следовал собственному правилу.

Но душившее бешенство требовало выхода.

Дайону пришлось сосчитать до ста, чтобы хоть немного успокоиться. Убедившись, что руки больше не дрожат, он критически оглядел кабинет, заметил смятый листок, валяющийся на полу, и, неодобрительно качнув головой (которая тут же отозвалась болью), выбросил свидетельство своего гнева в корзину для бумаг. И лишь затем вышел из комнаты. Махнул секретарю, давая понять, чтобы тот не отвлекался от своих обязанностей, и выскочил прочь.

Он даже изобразил легкую улыбку, сбегающую по ступеням. Вниз, в подземелье, подальше от любопытных глаз.

Встреченные по пути слуги почтительно кланялись, стражники на постах мгновенно вытягивались по стойке смирно, делая вид, что все время дежурства только так и стояли – с идеально прямой спиной, отведенной в сторону алебардой и бесстрастным выражением лица.

Будто герцог не догадывался, что эти люди только что болтали, играли в кости или, по меньшей мере, зевали со скучающим видом. Их поведение интуитивно воспринималось как лицемерие и раздражало, хотя он отлично понимал, что охранники всего лишь следуют предписанию, как делает, в известном смысле, и он сам.

Давно минули те времена, когда юному Дайону казалось, будто за пару мгновений до его появления все обсуждали именно его, и тем же займутся, едва он исчезнет за поворотом. И все равно каждый раз его охватывало противное чувство неловкости.

Герцог, ни разу не обнаживший оружия, в то время как подданные без малого два года проливали за него кровь. Герцог, подписывавший, пусть и вынужденно, указы против этих самых подданных. И пусть ему было пятнадцать, и пленители не оставляли ему выбора, стыд за содеянное не уходил.

Резкий болевой спазм заставил ускорить шаг. Герцог торопливо хлопнул дверью, перебивавшей вход в подземелье, и прислонился к стене, схватившись руками за голову.

Слабо освещаемый коридор разветвлялся. Здесь уже давно не держали узников, для этой цели в герцогстве имелось достаточно тюрем. Если свернуть направо, можно попасть к складам и помещениям, отведенным для разведывательной службы Левансии. Дайон же, едва боль слегка притупилась, зашагал налево, в заброшенную часть замка.

Он не любил здесь бывать, но все равно приходил каждый раз, когда на душе было так плохо, как сейчас.

Сердце неприятно кольнуло, когда он оставил позади поворот к своей камере. Той, где его продержали почти два года. В ту кровавую ночь пятнадцатилетнего, до смерти напуганного мальчишку, бросили в подземелье собственного замка. Повезло, причем вдвойне, что сестры не оказалось тогда дома: Дениза не только не разделила его участь, но и примкнула к рядам сопротивления, а в конечном итоге лично возглавила восстание. Так вместо аристократки Эли-нор л'Эстре появилась бесстрашная Дениза Арсе. Именно она сумела сплотить повстанцев и добиться освобождения брата, а чуть позднее – и герцогства. Дайон же вышел из заключения, будучи семнадцатилетним по дате рождения и стариком по сути.

При воспоминаниях о Смуте в висках заломило, словно ему на голову опять надели завязанную узлами веревку, которую на затылке стягивали железным прутком. Один оборот, второй,

узлы врезаются в кожу... Четки боли. Кажется, так называлась эта пытка. Ле Бриенн применял ее дважды, укрощая непокорного герцога.

На лбу проступила испарина.

«Подпишите...» – голос в голове звучал так явно, словно мучитель снова стоял за спиной. Зная, что он один, Дайон все равно оглянулся. Никого. Понимая, что вот-вот задохнется среди каменных стен, герцог поспешил в темноту туннеля.

Созданный специально, чтобы защитники замка могли выбраться наружу в случае опасности, во времена Смуты проход был засыпан и восстановлен только во время недавних ремонтных работ, вопреки протестам Ферранта. Старший агент не терпел мысли, что кто-нибудь может прокрасться в замок, и потому проход в туннель был надежно скрыт от посторонних глаз.

Щурясь в темноте, герцог взглянул на фамильное кольцо, которое надел сразу после освобождения из тюрьмы и никогда с тех пор не снимал. Орел, держащий в когтях змею. Только если на кольце изображение было выпуклым, на стене напротив того места, где остановился Дайон, красовался точно такой же отпечаток. Не мешкая, герцог поднес руку к камню, совмещая изображения.

В тот же момент что-то щелкнуло и часть стены отъехала назад, открывая потайной ход. Желая убежать хотя бы от неприятных мыслей, герцог шагнул в темноту проема. Разум твердил, что надо вернуться, закрыться в спальне, пережидая очередной приступ, но в кои-то веки Дайон Левансийский не желал слушать голос разума. Прочь, прочь из замка! Хотя на секунду глотнуть свежего воздуха, почувствовать себя живым...

Толстый слой пыли под ногами напоминал ковер. Шаг, еще один. Шорох за спиной дал понять, что вход в тоннель закрыт. Герцог не стал оборачиваться. Он щелкнул пальцами, зажигая магическую искорку. Будучи Одаренным, Дайон редко пользовался своими магическими способностями. Самые важные годы, когда такие, как он, обычно постигают свой дар, герцог провел в заточении. Потом он был слишком занят другими делами, и было, опять же, не до обучения. Да и зачем герцогу, к услугам которого многочисленные поданные, обладающие значительно большей силой, развивать почти ничтожный дар?

Пол тоннеля был очень неровным. Погруженный в свои мысли, Дайон и не понял, как нога скользнула в выбоинку. Мир вокруг качнулся. Пытаясь не упасть, герцог резко вскинул руку, хватаясь за стену. Не устоял. Показалось, что в щиколотке что-то хрустнуло, перед глазами рассыпались искры.

...Он очнулся, лежа на полу в пыли. Горько усмехнулся: прекрасно! Герцог Левансийский даже по тайному ходу не может пройти самостоятельно. Просто чудесно! И непонятно, что с ногой. А ведь ему надо добраться хотя бы до входа, чтобы позвать на помощь. Да и потом...

Он живо представил, как ковыляет по лестницам, а за спиной перешептываются слуги...

Дайон покрутил ногой. Странно, но она не болела. Герцог медленно встал и сделал несколько неуверенных шагов. Ничего, только в голове каждое движение отзывалось тупой болью. Отряхнувшись, Дайон решил продолжить начатый путь. Порыв сломя голову бежать из замка прошел, но герцог рассудил, что возможность побыть одному выпадает редко, а вернуться в свои покои он всегда успеет.

Тоннель закончился тупиком. Герцог привычно провел по кладке рукой, кольцо само скользнуло в очередной отпечаток, в стене опять что-то щелкнуло, открывая выход. В лицо пахнуло свежестью весеннего леса. Дайон вышел и критически осмотрел свой камзол. Весь в пыли, рукав разошелся по шву. Проще выбросить, чем являться в замок похожим на пугало.

Здраво рассудив, что являться в одном жилете еще хуже, чем в испачканном камзоле, герцог избавился и от этого предмета гардероба. Дышать сразу стало легче.

Головная боль утихла. Майский ветерок взъерошил коротко стриженные волосы. Герцог провел по ним рукой, чувствуя, как к пальцам липнет паутина. Пожалуй, следовало пройтись к ближайшему ручью и умыться.

Гулять без сопровождающих для человека его положения было, конечно, неблагоприятно. Но ему до того осточертело все разом – и вечно околачивающиеся рядом стражники, и идеально благоразумное поведение, – что он решил позволить себе глотнуть свободы. Хотя бы чуть-чуть, напоследок. В преддверии предстоящей свадьбы. В конце концов, он – взрослый мужчина и вряд ли ему что-то угрожает в десяти шагах от собственного замка, где его знал каждый кузнечик.

Только это внезапное легкомыслие герцога и спасло. Земля задрожала под ногами, сперва едва уловимо, затем сильнее, Дайон услышал позади нарастающий шум... и был вынужден пригнуться, прикрывая голову руками, поскольку в его сторону полетели осколки камней. Тех крупных камней, которые обрушились, заваливая вход.

Едва все стихло, герцог кинулся назад. Не пробраться. Он выругался сквозь зубы. Однажды такое уже случалось. Никто так и не разобрался, что послужило причиной. На сей раз надо будет тщательно исследовать место. Но этим займется не он. Главная задача Дайона л'Эстре на данный момент – вернуться в замок, пока его исчезновение не обнаружилось. Еще не хватало, чтобы Ферранта или того же Юрбена хватил удар, когда они подумают, будто герцог погиб под завалом. Вот только дорога займет время: придется идти кружным путем, к главным воротам.

Он спустился по неровной тропе, касаясь ладонями древесных стволов. Хвоя и сухие опавшие листья приятно хрустели под ногами. Внезапно небо далеко впереди озарила яркая вспышка. Дайон инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, кругом снова было темно. Показалось? Отголоски снов и режущие душу воспоминаний? Но прежде у него никогда не бывало галлюцинаций. Плохой признак... То-то порадуетсЯ такому «подарочку» его будущая жена!

И снова вспышка, только на сей раз, кажется, ближе. Моргнув, он успел увидеть крошечные огоньки, сыплющиеся с вечернего неба. Такое зрелище могло бы доставить удовольствие, но он слишком хорошо знал, чему сопутствует подобная красота. Разрушительная магия огромной силы. Смертоносные лучи, уничтожающие все живое. Огненные шары, прожигающие насквозь любые доспехи. Все это уже было во времена Смуты. После таких «фейерверков» людей хоронили десятками. Но он не видел подобного по меньшей мере восемь лет! Большинство Одаренных, способных на столь мощные заклинания, погибли в боях или были казнены за военные преступления. За теми, кто остался в живых, тщательно следили специально предназначенные для этого службы. А самое главное, Смута как следует отрезвила даже самых отъявленных вояк и интриганов, надеявшихся добиться богатства и власти незаконным путем. Никто не хотел повторения кровопролития, в какое погрузилось королевство на целых два года. Смешно сказать: за все это время на жизнь герцога даже не было серьезных покушений! И вдруг – такое?!

Да что же здесь сегодня творится?! Дайон ринулся вперед. Дорога шла под уклон, словно умышленно его подгоняя. Может быть, все-таки простая гроза? Но гром не гремел, с небес не упало ни капли, и характерного запаха тоже не ощущалось. Очередная вспышка, и десятки лучей устремились к земле... Нет, это точно не молнии.

Впереди замаячили темные силуэты домов, над ними возвышался шпиль ближайшего храма. Ветер сменил направление, и до слуха Дайона долетели людские крики, ржание коней и топот копыт. Он все-таки остановился, вспомнив про осторожность. Благоразумие боролось с безотчетным желанием рвануть вперед что есть сил и выяснить, что, черт возьми, творится на его землях. Землях, которые он обязан оберегать.

Неизвестно, какая черта характера взяла бы верх, но внезапно произошло нечто, заставившее его окончательно уверовать в абсурдность происходящего. Со стороны города, из-за деревьев, выскочила невысокая, худощавая девушка в весьма приличном, но давно вышедшем из моды платье. Остановившись лишь на долю секунды, она снова пустилась бежать и буквально налетела на Дайона, а налетев, обвила его шею руками и поцеловала в губы. Он так опешил, что застыл, как истукан, не отвечая на столь неожиданное поведение, но и не отстраняясь.

– Да поцелуйте меня наконец, неужели вам трудно? – Наглая девица требовательно приотпнула ножкой. – И обнимите меня за талию. Что вы руки расставили, как пугало? Давайте же, давайте!

Дайон покосился на свои руки, действительно вытянутые довольно неестественно. Девушка положила ладони на его щеки и, привстав на цыпочки, принялась покрывать поцелуями лицо.

«Вот это галлюцинации...» – только и смог подумать он. Похоже, Дениза все-таки права, ему действительно пора жениться. Хотя лазарет для душевнобольных определенно подойдет ему больше. Интересно, передается ли такое помешательство по наследству?

– Да что же вы, смерти моей, что ли, хотите? – прошипела девушка, и на ее лице отразилось выражение самого настоящего отчаяния.

Смерти галлюцинации, пусть даже такой ненормальной, Дайон не хотел. Поэтому пристроил руки на ее талии и даже коснулся губами собранных в пучок волос, хотя на поцелуй это походило мало.

– Так уже лучше, – похвалила она. – Только будьте как-то поактивнее. Вы что, женщину никогда не целовали?

Целовал или не целовал... Разницы никакой. Женщины появлялись в жизни Дайона столь же быстро, сколь и исчезали. Никаких чувств, ничего, что принято называть «отношениями». Все предельно просто и ясно. Встретились – разошлись. В свою жизнь герцог Левансийский никого не впускал. Иногда на балах ему приходилось танцевать с романтически настроенным барышнями (а герцогский титул и прилагающаяся к оному сокровищница весьма способствовали романтическим настроениям среди юных особ женского пола, да и не очень юных тоже). В таких случаях он предпочитал смотреть сквозь партнершу, не замечая и даже не запоминая лица. Существовала вероятность, что при такой памяти ему придется опознавать выбранную жену по случайно оброненной ею вещи: платке или туфельке.

Галлюцинация все еще требовательно смотрела на Дайона, и он вдруг обнаружил, что у нее огромные синие глаза. Не голубые, не серые, а именно ярко-синие, опущенные длинными черными ресницами. Девушка раздраженно махнула ими, и герцог опомнился.

– И «да», и «нет» прозвучат одинаково глупо, вы не находите? – язвительно поинтересовался он.

– Я не прошу вас отвечать! – парировала незнакомка. – Неужели вам так сложно просто взять и поцеловать симпатичную девушку?

– Разумеется нет, особенно если она об этом просит! – галантно уверил ее Дайон, а сам подумал, что в данном случае, в отличие от танцев, лицо запомнит точно.

Уж слишком необычным было все происходящее. Одной рукой он притянул настойчивую незнакомку к себе, вторую положил на ей затылок, чтобы девушка вдруг не передумала. Она выдохнула и закрыла глаза, задирая голову так, чтобы ему удобнее было выполнить просьбу. Дайон склонился, легко коснулся губами ее губ. Топот копыт не遠далеке заставил его остановиться. Девушка вздрогнула, открыла глаза и сама притянула мужчину к себе, напряженно впиваясь в губы.

– Эй, вы! – послышался грубый окрик.

Девушка еще сильнее вжалась в Дайона. Герцог с иронией подумал, что, если бы не видимость романтики, партнерша наверняка притянула бы его к себе за уши.

Не прерывая своего занятия, он осторожно бросил взгляд из-под ресниц, мгновенно узнал легкие кольчуги и серые короткие плащи, обязательные для городской стражи. Интересно, почему девушка скрывается от них, еще и таким экстравагантным образом. Желая разобраться во всем самостоятельно, Дайон скользнул рукой по спине партнерши, имитируя страсть. Та призывно застонала и удвоила усилия.

Стражники переглянулись.

– Поехали отсюда, – пробубнил один. – Сам видишь, от этих двоих мало толку!

– Думаешь? – скептически отозвался второй. – Девушка-то под описание подходит!

– Невысокая, темноволосая... да у нас вся Левансия подходит! И даже ты!

– Да, но...

– Думаешь, девка, зная, что за ней погоня, будет миловаться со своим любимым в кустах у дороги?

Второй стражник кинул жадный взгляд на целующуюся пару. Похоже, он был из любителей подсматривать в замочную скважину. Дайон дал себе слово поинтересоваться у Ферранта, как происходит отбор в городскую стражу.

Сейчас ему оставалось либо приступить к выяснениям и тем самым разоблачить себя, либо продолжить изображать страстный поцелуй. Он предпочел второе: не стоит, чтобы накануне выбора невесты по стране поползли слухи, что герцог Левансийский развлекается с девушками в придорожных кустах. Его ладонь медленно ласкала затылок незнакомки, пропуская густые шелковистые волосы между пальцами. Девушка напряглась, но старательно терпела подобную вольность.

– Да что ты застыл? – В голосе старшего из стражников послышалось недовольство. – Капитан Монтегю по голове не погладит, если узнает, что вместо ловли мятежников ты разглядываешь целующиеся парочки!

Дайон нахмурился. Он достаточно хорошо знал списки офицеров городской и замковой стражи, но не помнил, чтобы среди них фигурировал такой капитан.

– Ладно, поехали! – тем временем недовольно пробурчал второй стражник. Судя по жадным взглядам, он предпочел бы остаться и досмотреть действие до конца.

– Спасибо за помощь! – Как только стражники скрылись за поворотом, девушка моментально прекратила поцелуй. Достала платок и промокнула губы, словно стирая память о произошедшем. – Приятно было познакомиться, всего наилучшего.

Она попыталась выскользнуть из объятий, но герцог удержал.

– Не так быстро, милая девушка! Сначала вы расскажете, кто вы такая и почему убегали от городской стражи.

– Я? – она грозно сверкнула глазами, но сразу же опустила ресницы, скрывая этот блеск. – Меня зовут... Мадлен.

– Мадлен – и все? – Герцог не торопился выпускать пленницу.

– Да, все, – девушка очаровательно улыбнулась, отчего на щеках показались ямочки. – И от стражи я не убегала. Вы же сами слышали!

– Что они искали девушку, по описанию похожую на вас?

Дайон изогнул бровь. Он ни секунды не сомневался, что девушка назвалась вымышленным именем, и городская стража преследовала именно ее.

С видимым безразличием лже-Мадлен пожала плечами.

– Невысоких брюнеток так много, и среди них масса неблагонадежных девиц! – пожаловалась она тоном недовольной жизнью матроны. – Просто ужас, в какое время мы живем! А теперь извините, мне пора.

Она снова попыталась вывернуться, но безуспешно.

– Не извиню, – отрезал Дайон, усиливая хватку.

Девушка поморщилась от боли и прикусила губу, но он не стал принимать это во внимание.

– Что за преступление вы совершили?

– Я? Преступление? – Она широко распахнула глаза, смотря на мужчину кристально честным взглядом. Слишком кристальным и слишком честным. – Да как вы смеете! Я, может быть, в тысячу раз законопослушнее вас!

– Это было бы интересно, – хмыкнул герцог, который в некотором смысле сам и являлся законом на своих землях. – Только вот чтобы скрыться от преследования городской стражи, я не вешаюсь на шею первому встречному.

– Я и не вешалась! Просто вы мне понравились. С первого взгляда.

Дайон расхохотался:

– Неужели? Тогда почему вы так спешите покинуть меня?

– Потому что со второго вы мне разонравились! – Что-то в настроении девушки изменилось, и она гордо вздернула подбородок. – Да и целоваться не умеете!

– Вы меня ошеломили. Но мы можем попробовать еще раз, – обманчиво мягко предложил герцог. – Вдруг мне удастся исправить впечатление.

– Не думаю... – Она внимательно посмотрела куда-то поверх головы Дайона, в глазах мелькнуло нечто, похожее на испуг.

Герцог обернулся и тут же охнул от боли: воспользовавшись моментом, девушка от души пнула его по голени. От неожиданности он разжал руки, и лже-Мадлен моментально бросилась прочь, подхватив юбки. Однако Дайону не составило труда ее догнать.

– Ну вот что, раз сами вы признаваться не желаете, придется пойти со мной! – Он схватил пленницу за руку и направился обратно к дороге.

– Куда это? – возмутилась она, упираясь.

– В замок, разумеется, – бросил через плечо герцог, все еще злясь, что поддался на уловку очаровательной преступницы.

Признаться, девушка была хороша. Совсем юная, невысокая, темные кудри обрамляли нежный овал лица, совершенство которого не портила даже ямочка на подбородке, брови вразлет и огромные глаза, сейчас смотревшие на герцога с лютой ненавистью.

– В замок?! Значит, вы из этих? – Она словно выплюнула последнее слово.

– Из этих, – холодно откликнулся Дайон, понятия не имевший, что именно она имела в виду, но невольно покоробленный неприкрытым презрением, прозвучавшим в ее голосе.

– Надо же, а с виду приличный человек! – процедила пленница.

На это герцог ничего не ответил, лишь недоуменно приподнял брови. В его собственном представлении, сейчас, без камзола, жилета и в перепачканных брюках, он выглядел как угодно, но только не прилично.

Спорить с пленницей по этому поводу он не стал – и так прошло слишком много времени, и слуги могли в любой момент обнаружить его отсутствие.

Девушка сопротивлялась изо всех сил, что чрезвычайно затрудняло продвижение. В результате потерявший терпение Дайон просто взвалил ее на плечо и зашагал по дороге, гадая, как воспримет замковая стража его эффектное появление.

– Отпустите! – пленница замолотила кулачками по спине похитителя.

– Вам лучше смириться и подумать, что вы скажете дознавателям, – посоветовал он, удерживая девушку, чтобы она не пнула его ногой.

– Что вы меня похитили и надругались! – процедила она сквозь зубы.

– Вряд ли вам это поможет, – хмыкнул Дайон. – Особенно если вспомнить, что нас видели городские стражники... Кстати, вы не знаете, кто такой этот капитан Монтегю?

– Такой же мерзавец, как и вы! – выпалила она.

– Весьма исчерпывающее объяснение. – Герцог поправил свою ношу и зашагал дальше.

Внезапно небо озарила очередная вспышка. Огненный шар пролетел над верхушками деревьев, едва не опалив листву. Это заставило герцога приостановиться, но хватку он не ослабил.

– Что у вас здесь творится, черт возьми?! – зло воскликнул он, каким-то шестым чувством понимая, что девица знает о происхождении магических фокусов больше его.

Интуиция не подвела.

– Можно подумать, вы вчера родились! – ощерилась она. – И не говорите, будто ни разу не видели, как ведут бои Одаренные!

– Одаренные? – Слишком удивленный, он поставил лже-Мадлен на ноги, внимательно всмотрелся в лицо. – Но... такого не случилось целых девять лет!

– Девять? – настала очередь девушки удивляться. – Вы что, с луны свалились?

– Скорее, явился из-под земли, – глухо откликнулся герцог.

Глава 2

Несколько мгновений они стояли, недоверчиво смотря друг на друга. Герцог почувствовал, как виски опять начинает ломить от боли. Он поморщился и огляделся в поисках укрытия: следовало как можно скорее разобраться в происходящем, а вести беседу посреди дороги неблагоприятно. Подходящего убежища не обнаружилось, лишь придорожные кусты, за которыми через небольшую прогалину темнел лес. Что ж, лучше, чем ничего.

– Пойдемте.

Он снова потянул девушку за руку.

– Куда это? – насторожилась она.

– Расскажите мне все.

– С чего вдруг? – фыркнула она.

Дайон приподнял бровь. Уже много лет никто не смел разговаривать с герцогом Левансийским в таком тоне. Он смерил нахалку гневным взглядом и молча направился к кустам.

– Отпустите! – девушка опять принялась сопротивляться, на этот раз гораздо отчаяннее, чем прежде. – Да по какому праву?!

Хотелось съязвить что-нибудь о правах господина и феодала, но герцог сдержался.

– У меня есть все права!

Продолжить Дайон не успел. Из лесу показалось несколько мужчин. Трое из них сжимали в руках короткие мечи, а вокруг пальцев четвертого переливались магические искры.

– Отпусти ее! Немедленно!

Понимая, что силы не равны, герцог с досадой разжал руки.

– Анри! – лже-Мадлен подбежала к одному из мужчин и встала рядом. Судя по некоторому сходству, это был ее родственник, скорее всего, брат. – Что так долго?

– Стражники. Решили прочесать лес, пришлось отсиживаться в пещере.

– А это кто? – пробасил второй, внимательно рассматривая Дайона.

– Понятия не имею! – Девушка зло тряхнула головой. – Встретился по дороге и поволок в кусты.

– Что? – Анри двинулся к пленнику. Стоящий рядом мужчина попытался удержать его, но парень повел плечом, сбрасывая ладонь. – Да что ты себе позволяешь?

– Уверяю, лишь то, что предложила мне ваша сестра, – утомленно отозвался герцог. – Хотя, признаться, целуется она неумело.

Анри проревел нечто невразумительное и ударил Дайона в челюсть. Не привыкший к такому обращению, герцог не успел уклониться. Перед глазами заплясали яркие мушки, он непроизвольно потянулся к поясу, где обычно висел меч, но тут же получил кулаком в живот.

Пронзительная боль заставила согнуться пополам, дыхание перехватило. Дайон почувствовал, как ему заламывают за спиной руки: видимо, дружки Анри решили внести свою лепту в дело чести лже-Мадлен.

Герцог попытался вырваться, но не добился ничего, за исключением пинков. Солоноватый привкус во рту подсказал, что Дайон по давней привычке прикусил губу до крови, лишь бы не застонать вслух.

Сколь ни удивительно, прервала все это безобразие именно лже-Мадлен.

– Стойте! Прекратите! – закричала она, с силой притопнув при этом ногой.

– С чего это? – мрачно повернулся в ее сторону братец.

– Досадно, что приходится напоминать вам об этом, но четверо против одного – это совсем непохоже на правила честного боя. А кроме того, он сказал правду.

От неожиданности Анри вздрогнул, а затем грозно нахмурился:

– Что ты хочешь этим сказать?

Воспользовавшись замешательством, Дайон осторожно выпрямился, гадая, насколько сильны повреждения. Вроде бы били его достаточно аккуратно.

Под пристальными взглядами мужчин виновница происходящего слегка потупилась.

– Нет, целуюсь я хорошо! – первым делом заявила она. – Но я действительно первая его поцеловала.

– Да с какой же стати?! – взорвался Анри. – Что ты о себе возомнила? Какое ты имеешь право целоваться с первым встречным, даже не узнав мнение ближайших родственников на этот счет?

Дайон полагал, что сейчас девица объяснит, как все происходило на самом деле. Но вместо этого она, совершенно взбешенная, подошла вплотную к брату и уперла кулачки в бока. Под ее убийственным взглядом Анри непроизвольно опустил плечи, и Дайону даже стало немного его жаль. Исключительно в силу мужской солидарности.

– Я ничем не хуже тебя и всех остальных, – отчеканила она. – Я – самостоятельный человек, и сама решаю, с кем целоваться, сколько и когда. Если захочу, я еще и отдамся ему здесь и сейчас, и ты даже пикнуть права не имеешь, понял?

Лже-Мадлен решительно повернулась к Дайону, который уже готов был допустить, что девица сейчас и правда сама потащит его в давешние кусты. Причем пикнуть при этом не посмеет не только ее братец, но и сам герцог.

– Ладно, ребята, свои семейные вопросы будете решать потом, – не сердито, но твердо прервал их мужчина постарше. Он не принимал участия в потасовке, вернее, избииении, а держался немного поодаль. – Сейчас важно благополучно вернуться. Мы не знаем, когда стражники снова окажутся здесь.

– А с ним что делать?

Анри кивнул на герцога.

Старший повернулся к Дайону, пристально посмотрел ему в глаза. Нахмурился, словно пытаясь вспомнить, где он мог видеть этого человека.

– Кто ты такой?

Вопрос был задан не враждебно, можно даже сказать, по-хорошему, но Дайон понял, что ступил сейчас на очень скользкую почву. Как ответить? Назвать свое подлинное имя? С одной стороны, весьма вероятно, что эти люди, кем бы они ни были, не рискнут связываться с самим герцогом Левансийским, и в этом случае его слово решит проблему. С другой, человек его положения – весьма лакомая добыча для преступников, а повстречавшаяся ему компания точно не в ладах с законом. И, наконец, кое-что из услышанного представлялось ему настолько странным и подозрительным, что раскрывать инкогнито не хотелось вдвойне.

– Дворянин, – сказал он, твердо глядя в глаза спрашивающего. – И подданный Левансии.

На всякий случай Дайон сцепил руки, вроде бы от нервозности, и незаметно повернул кольцо герцогской печатью внутрь.

– Это, конечно, хорошо, – усмехнулся мужчина. – Я и сам вижу, что ты не крестьянин. А имя свое не назовешь?

– Ну вы ведь тоже не спешите представляться, – откликнулся Дайон.

– Резонно. Зови меня Жюст. Однако я неплохо знаю местное дворянство. И тех, кто переметнулся, и тех, кто остался на стороне молодого герцога. А вот твое лицо мне незнакомо. Хотя что-то едва уловимое есть... Может, мне и доводилось встречать кого-то из твоих родственников. Но тебя я точно вижу впервые.

– Я прибыл издалека. Порталом, – отозвался Дайон, уже чувствуя, что в его словах много ужасной правды, но стараясь пока не развивать едва уловимую мысль. Не ровен час разум взорвется от подобного. – Мой маг что-то перепутал, и я оказался не там, где следовало.

Мужчина покивал, но, кажется, не поверил ни единому слову. Правильно сделал. Дайон бы тоже не поверил, поменяйся они местами.

- Неудачно же тебя закинуло, – хмыкнул Одаренный, до сей поры помалкивавший.
- Да уж. И сам не рад, – в тон ему отозвался герцог.

Опытный переговорщик, он легко подмечал то, что позволяло расположить противников к себе и сделать их если не союзниками, то не врагами.

- А куда изначально собирался? – будто невзначай продолжил маг.
- Ну... на свидание. – Дайон брякнул первое, что пришло на ум.
- На свидание? – Анри наигранно рассмеялся.

Герцог смерил его ледяными взглядом:

- Могу я поинтересоваться, что вас так насмешило?
- А как имя той, с кем вы собирались встретиться? – настаивал Одаренный.

Дайон покачал головой:

- Вы же понимаете, что требуете от меня слишком многого? Дама замужем...
- Да врет он все! – нетерпеливо фыркнул Анри. – Посмотрите на него! Разве в таком виде к дамам ходят? Ну разве что разделся сразу, чтобы даром время не терять!

Старший из четверых задумчиво взглянул на герцога.

- Назовите имя дамы, – потребовал он.

Дайон скрипнул зубами.

– Мод. Мод Уиллкок, – ляпнул он, вспомнив симпатичную хозяйку самой популярной городской таверны.

Хохотушка Мод, как звали ее в городе, кокетничала напропалую, и герцог Левансийский не был исключением.

Лже-Мадлен покачала головой, а мужчины переглянулись. Дайону очень не понравились эти взгляды.

– Мод Уилкок полгода как умерла, а ее внучка слишком юна, чтобы крутить амуры с таким, как ты, – проинформировал старший. И повернулся к товарищам: – Надо уходить. Придется взять его в лагерь.

- Может, проще убить? – предложил кто-то.
- Это всегда успеется. – Думаю, сперва стоит допросить.
- И как мы его поведем? – с сомнением протянул Анри. – Стоит кому-нибудь увидеть, что с нами пленник, возникнут ненужные вопросы. Да и всем вместе показываться не стоит.
- А может быть, мы просто разойдемся каждый своей дорогой? – с иронией предложил герцог.

Его корбило от этого разговора, как и от самой ситуации. Сбитая скула все еще саднила, а мышцы до сих пор помнили удары.

- Исключено. – Старший покачал головой. – Ты слишком много знаешь, парень!

Дайон хотел возразить, что он вообще ничего не знает, да и «парнем» его называть поздно, но чувство самосохранения взяло верх, и он благоразумно промолчал.

- Мадлен, свяжи его! – приказал Анри, кидая сестре свой пояс.

– Почему я? – возмутилась девушка.

– Потому что ты его привела!

– Я могу и уйти! – спокойно предложил Дайон, порядком устав от идиотизма ситуации. – И тогда у вас не будет повода для ссоры.

- Ну уж нет! Отпусти мы тебя, ты вернешься со стражей! – возмутился Анри.

– Даже если и так, вас-то здесь уже не будет! – резонно возразил герцог, теряя терпение. Обычно, его слова не подвергались сомнению, и сейчас он устал объяснять очевидные вещи.

– Увы, ты нас видел и сможешь узнать, – вмешался старший. – Извини, приятель, но тебе придется пойти с нами.

Он взял пояс из рук Анри и лично связал руки пленнику.

- Идемте, мы и так потеряли много времени, – поторопил Одаренный.

Он первым скрылся в кустах. Не выпуская из рук конец пояса, которым были связаны запястья герцога, второй разбойник направился за ним, и Дайону не оставалось ничего иного, как брести следом.

Не привыкший ходить пешком по лесу, он то и дело спотыкался о корни, пару раз нога угодила в яму, и только высокие жесткие голенища сапог спасли его от вывиха лодыжки. Каждый раз Дайон дергался, и ремень впивался в запястья.

– Ты совсем стыд потеряла! – бубнил за спиной Анри. Как только они отошли достаточно далеко от дороги, он возобновил выяснение отношений с сестрой. – До начала Смуты ты была приличной девушкой. Мать с таким нетерпением ждала твоего первого выхода в свет! Что бы она сказала, если бы увидела, как ты ведешь себя теперь?

– Не смей прибегать к памяти мамы, чтобы мной манипулировать! – огрызнулась лже-Мадлен, бойко переступавшая через широкие корни и ловко уклонявшаяся от колючих веток. – Весь мир изменился за последние полтора года, и никто из нас не остался прежним. Но маме было бы чем гордиться, я тебя уверяю! Балы, наряды – это все мишура, а мы сейчас занимаемся настоящим делом.

Мысли Дайона словно потекли в замедленном темпе, предоставляя мозгу возможность осмыслить то, что происходило вокруг. Слишком сильно напоминали речи об изменившемся мире и людях его собственные беседы с Денизой, касавшиеся времен Смуты, того, что эта эпоха сотворила с каждым из них. И вот теперь это «до начала Смуты»... Судя по разговору, лже-Мадлен было тогда лет пятнадцать. Но она и сейчас совсем молода, Дайон никак не дал бы ей больше семнадцати. В то время как с начала Смуты прошло целых девять лет! Что, черт побери, творилось вокруг? Будто он попал в книгу или оказался главным действующим лицом в представлении комедиантов. Вот только он не соглашался на все эти роли, а происходящее выглядело уж слишком реальным. Подошва сапога скользнула по мокрому мху, нога поехала в сторону, и Дайон чуть не упал. Ремень с силой врезался в кожу, и герцог привычно закусил губу, сдерживая стон.

– Ну, что там такое?

Его конвоир обернулся.

– Могу я спросить одну вещь?

– Да, – чуть поколебавшись, ответил тот. – Надеюсь, не про пароли, явки или наши настоящие имена. На такие вопросы ответа не будет, сам понимаешь.

Герцог даже не стал отвечать на такие предположения, тем более что пароли интересовали его сейчас в последнюю очередь. Ужасная догадка парализовала не хуже яда или магического заклинания, а на лбу выступила испарина.

– Какой сейчас год?

Язык ворочался с трудом, а голос прозвучал глухо, как будто издали.

– Ты что, умом тронулся? – фыркнул Анри.

– Подожди, он ведь и раньше что-то такое странное говорил, – припомнила лже-Мадлен.

– Вы можете просто ответить на мой вопрос?

Что-то в голосе пленника заставило остальных вздрогнуть.

– Семьсот девятый, – торопливо ответил старший.

Дайон почувствовал, как сердце рухнуло в бездну. Этого не могло быть. Этого просто не могло случиться по определению. Когда он выходил из замка, на дворе стоял апрель семьсот восемнадцатого.

Голову вновь сжало тисками, приступ подкатил с новой силой. В глазах потемнело, и герцог оступился, не заметив узловатого корня, торчавшего из-под земли. Он едва удержался на ногах, не без помощи подоспевшего вовремя Анри.

– Точно болезный, – обернулся к товарищам тот.

– Эй, вы как себя чувствуете? – обеспокоенно спросила девушка.

– Идеально, – отрезал герцог тем ледяным тоном, которого так опасались его придворные.

Лже-Мадлен отпрянула, будто ее окатили холодной водой. Это радовало: хоть что-то осталось неизменным в этом новом, совершенно неузнаваемом мире. Анри открыл было рот, желая одернуть обидчика сестры, но встретился взглядом с ледяными глазами герцога, и так и не смог подобрать нужных слов. Дайон почувствовал мрачное удовлетворение. Но длилось это состояние недолго. Одаренный вдруг снял с шеи платок и подошел к герцогу.

– Думаю, так будет надежнее, – пояснил он, завязывая пленнику глаза. Тот скривился, но промолчал, опасаясь, что следующий платок будет использован в качестве кляпа.

– Идем!

Ремень опять врезался в запястья, вынуждая двинуться вперед.

Они шли медленно и очень долго. Дайон заподозрил, что его намеренно водят кругами, чтобы он запутался окончательно. Во всяком случае, сам бы он поступил именно так, если бы хотел скрыть местоположение лесного лагеря. Наконец, все остановилось. Повязка упала с лица и перед взором герцога предстала непролазная чаща. Он удивленно моргнул. Никогда раньше Дайон не видел такого сплетения веток. На первый взгляд складывалось ощущение, что вокруг стояли несколько огромных перевернутых вверх дном корзин. Чуть позже герцог сообразил, что это – палатки. Его сестра иногда применяла подобную магию, чтобы украсить сад к чаепитию. Впервые она воспользовалась такой магией год назад, буквально вырастив клетку вокруг покушавшегося на Раймонда преступника. Вернее, *много лет вперед*, если то, что ему сказали, было правдой. Дайон понял, что окончательно потерялся во времени.

Глава 3

– Что замер, идем!

Конвоир опять дернул ремень. Герцог скрипнул зубами. Ему порядком надоело изображать собаку на сворке, и он открыл было рот, чтобы высказаться по этому поводу, но решил повременить: вокруг пришедших начали собираться жители лагеря. В большинстве своем – женщины и подростки, хотя к ним присоединилось и несколько мужчин.

Под их настороженными взглядами Дайон невольно напрягся, хотя он и привык к вниманию толпы. Но одно дело знать, что рядом с тобой находятся стражники, готовые по первому зову кинуться на защиту своего господина, а совершенно иное – вот так стоять, со связанными руками, понимая, что здесь за тебя никто не вступится.

Ребра заныли, напоминая о полученных недавно тумаках. Он почему-то поискал глазами лже-Мадлен, но девушки нигде не было. По всей видимости, она ушла к себе.

– Кого это ты привел, Жюст? – тем временем поинтересовалась высокая женщина с собранными на макушке волосами.

– Да вот, встретили на дороге, – отозвался конвоир Дайона, – говорит, что шел к любовнице и отказывается называть имя.

– Чье, свое?

– Нет, любовницы. Свое, впрочем, тоже не назвал.

– Не помню, чтобы кто-то его спрашивал, – холодно отозвался Дайон.

– Считай, что спросили, – хмыкнула женщина.

Герцог смерил ее равнодушным взглядом и обернулся к своему конвоиру:

– Это допрос?

– Пока еще нет, – качнул головой Жюст.

Он хотел добавить что-то еще, но к нему подскочил мальчишка, протягивая смятое письмо. Жюст развернул послание, прочитал и нахмурился.

– Похоже, допрос придется отложить. – И он быстрым шагом направился к лесу, коротко бросив напоследок: – Заприте его!

Последние слова предназначались Анри и его товарищам. Они тут же обступили герцога.

Одаренный присел на корточки и приложил ладони к земле. Дайон хмуро наблюдал, как ветки кустов сплетаются между собой, образуя огромную не то корзину, не то клетку. Прочные прутья скрывались за разраставшимися на глазах листьями.

– Заходи!

Приказ заставил герцога опомниться. Окинув провожатых тяжелым взглядом, от которого те невольно попятись, Дайон шагнул в палатку. Одаренный освободил его руки от пут.

Затем немного поколдовал над входом – и прутья срослись, превратив временное пристанище герцога в своеобразный цельный кокон без дверей.

Дайон хмыкнул и присел на землю, облокотившись спиной о сплетенные между собой ветки. Головная боль потихоньку прошла, сменившись легким покалыванием в висках. Силясь понять, что же с ним все-таки произошло, герцог задумчиво рассматривал листву и боялся сделать окончательный вывод. Тому, что случилось, было лишь два возможных объяснения. Вариант первый: он все-таки сошел с ума. Сколько бы ни твердили лекари о том, что его приступы носят совершенно иной характер и не могут привести к подобным последствиям, даже самый искушенный эскулап способен на ошибку. Даже Кале, спасший в свое время Денизу.

В свое время целитель долго общался с герцогом, но все-таки сдался, объяснив, что все светочи мира бессильны, пока его светлость не сможет сам освободиться от своего прошлого. Дайон криво усмехнулся воспоминаниям. Двухлетнее заточение в юном возрасте не прошло бесследно. Его мучили кошмары и жуткие головные боли. Поэтому он мало спал и много рабо-

тал на благо Левансии и своих подданных. Будто таким образом можно было компенсировать кровь, пролитую за него во время Смуты.

Возможно, его разум не выдержал и дал трещину. Скорее всего, прямо сейчас он лежит в своей постели, вокруг мечутся слуги, встревоженная Дениза сидит на краю кровати, а Дайону мерещатся взрывающиеся шары и лес, полный повстанцев.

Он даже ущипнул себя за руку и попытался представить ту, замковую, реальность, подобно тому, как пытается проснуться человек, осознающий, что происходящее – всего лишь сон. Увы, не сработало. Прутья темницы не исчезли, шум лагеря не стих.

Это заставило его переключиться на второй вариант, невероятный, но, если вдуматься, тоже возможный: он действительно попал в прошлое. Герцогу доводилось слышать о перемещениях во времени и даже читать упоминания о них в древних научных трудах и исторических хрониках. Явление было столь редким, а его описания – столь размытыми, что Дайон никогда не воспринимал такие истории всерьез. Он относился к ним как к легендам, каковым не придавал особого значения. Однако, если исключить вариант сумасшествия, вывод напрашивался сам собой.

Он переместился в эпоху Смуты, слишком уж много деталей на это указывало. Магические взрывы над городом, лагерь в лесу, разговоры жителей лагеря, даже одежда тех, кто взял его в плен. Дайон хорошо помнил охотничьи кожаные куртки со шнуровкой, призванные подчеркнуть белизну рубашек. Они вошли в моду совсем незадолго до начала смутного времени. Отец щеголял в такой за обедом, клятвенно уверив мать, что переоденется к ужину.

В тот день ужинать они так и не сели. Вечером замок был охвачен бунтом. Отец погиб с оружием в руках, что стало с матерью, Дайон так и не узнал. Вернее, предпочитал не знать, опасаясь, что ни он, ни Дениза не выдержат всей правды. В любом случае родители были мертвы. А его провозгласили герцогом и кинули в подземелье... Виски опять сдавило. Дайон прикрыл глаза, намереваясь мученически переждать боль.

Но громкий шепот за спиной вывел его из состояния болезненной полудремы.

– Эй! Незнакомец! Эй! Вы что, спите?!

Судя по интонации, с которой была произнесена последняя фраза, эта догадка вызвала глубочайшее возмущение лже-Мадлен.

– Уже нет, – хрипло отозвался Дайон, с трудом открывая глаза. Свет, проникавший сквозь листву показался очень ярким, а щебечущие над головой птицы – слишком громкими.

– Как можно спать в заточении? – продолжала недоумевать девушка.

Дайон повернулся на звук, но лицо говорившей скрывала густая листва.

– А что, по-вашему, еще можно делать в заточении? – сварливо отозвался он.

За прутьями захрустело, словно девушка переступила с ноги на ногу.

– Ну, не знаю... Думать о смерти, например.

– Благодарю покорно. У меня было два года на это занятие. Оно порядком мне надоело. Вы что-то хотели? – поспешил спросить он, дабы не развивать скользкую тему. – Или пришли только затем, чтобы выяснить, думаю ли я о смерти в такое время?

Молчание и частое, сердитое дыхание с той стороны.

– Зачем вы хотели надо мной надругаться? – выпалила она наконец.

Не сдержавшись, Дайон рассмеялся, хотя обстоятельства не слишком способствовали веселью. За листвой обиженно засопели.

– Простите. – Герцог постарался взять себя в руки. – Но это самый нелепый вопрос, который мне доводилось слышать.

По логике вещей теперь девушка должна была обидеться окончательно, но, видимо, она в принципе не имела привычки поступать предсказуемо, поскольку на этот раз вполне спокойно ответила:

– Пожалуй, вы правы.

После такого Дайон почувствовал, что должен тоже пойти ей навстречу.

– Не собирался я над вами надругаться, – примирительно произнес он. – Просто хотел поговорить.

– В кустах? – фыркнула девушка.

– Согласен, вышло не слишком удачно. Но тащить вас в замок было слишком сложно, к тому же, верите или нет, мне не доставляет удовольствия применять силу к юным девицам. Я решил, что лучше разобраться во всем сразу. Но надо было по меньшей мере сойти с дороги, чтобы не привлекать внимания стражников и случайных путников. Только и всего.

Тяжелый вздох был ответом.

– Выходит, я вас подставила, верно?

– Что вы имеете в виду?

– Не появись я, вы бы спокойно пошли к этой своей любовнице, а потом вернулись домой...

– Возможно.

Дайон не считал нужным отрицать предложенную девушкой версию.

– Скажите хоть, как вас зовут, – предложил он затем.

Попытки разглядеть лицо девушки за прутьями и листвой оставались бесплодными, и герцог сел ровно, глядя внутрь своей «камеры».

– Вы же знаете, – прозвучало с той стороны, впрочем, не слишком уверенно.

– Поверьте: имя «Мадлен» совершенно вам не подходит, – хмыкнул Дайон.

Девушка хихикнула.

– Так уж и быть: Виола, – призналась она. Помолчала еще немного, а потом выпалила: – Как вам не стыдно!

– Стыдно? И почему вдруг мне должно быть стыдно?

Герцог напрягся, подозревая, что его пытаются уличить во лжи. Не исключено, что появление девушки и этот разговор отнюдь не случайность, а где-то поблизости находится Анри или сам Жюст, внимательно прислушиваясь к их разговору. Во всяком случае, Феррант Руаж наверняка так бы и поступил. Кстати, интересно знать, где он сейчас, в прошлом, – если это действительно прошлое.

– Потому что вы с вашей любовницей обманываете честного человека! – выпалила Виола.

– Что? – опешил Дайон.

– Портал, тайна имени... а о муже вашей любовницы вы подумали? Каково ему?

– Знаете, я как-то не привык думать о других мужчинах и об их комфорте, – извиняющимся голосом произнес герцог.

– Ну, разумеется! Вы же думали только о собственном удовольствии! Вы – эгоист! – припечатала девушка.

Дайон несколько мгновений осмысливал услышанное, а потом снова расхохотался. По всей видимости, это оскорбило собеседницу.

– Вы... – прошипела она, не в силах сразу подобрать нужный эпитет. – Вы...

Герцог приготовился слушать, что же еще она придумает, но тут неподалеку раздались голоса:

– ...на краю поляны. Жюст приказал привести его.

Виола ойкнула и поспешила ретироваться.

Дайон вздохнул и покачал головой. Виола чем-то напоминала ему сестру. Такая же порывистая и непредсказуемая. И юная... Слишком юная. Погруженный в раздумья, он не пропустил момент, когда прутья его темницы раздвинулись, и в камеру вошли двое: все тот же Одаренный и еще один повстанец, незнакомый герцогу.

– Пойдем! – прозвучал короткий приказ.

Ему связали руки и снова куда-то повели. К счастью, на этот раз путь был недолгим. Они пересекли поляну, в центре которой тлели угли кострища, а по бокам лежали поваленные деревья – своеобразное место сбора всех обитателей лагеря. Несколько палаток, наподобие той, в которой держали Дайона, располагались у края леса. Только они были гораздо больше по размеру, и вход закрывали не прутья, а плотная ткань, которую Одаренный отодвинул в сторону:

– Заходи!

Дайону пришлось пригнуться, чтобы переступить порог. Его конвоиры предпочли остаться снаружи, но руки пленнику так и не развязали. Выпрямившись, герцог огляделся. Палатка была обставлена с комфортом: походная кровать сродни той, которую иногда использовал сам Дайон в путешествиях, сундук у стены, складной стол и несколько стульев, на одном из которых сидел Жюст.

Вне всяких сомнений, он не успел передохнуть с дороги: та же одежда, те же изрядно запылившиеся сапоги, волосы основательно взъерошены, а под глазами залегли тени. Дайон полагал, что и сам выглядит не лучше.

– Присаживайся! – Жюст первым нарушил молчание.

Герцог опустился на стул, выжидая, глядя на повстанца.

– Ну что, давай попробуем еще раз? – предложил Жюст. Благодарно кивнул молодому парню, который подал ему кружку с горячим, если судить по стружке пара, напитком. – Можешь идти, Мэтью, дальше я сам.

Тот отступил и прислонился спиной к прутьям, решительно сжав губы.

– Ладно, как знаешь, – фыркнул Жюст, сам, по-видимому, не считавший, что нуждается в охране.

В груди неожиданно защемило. Паренек, безгранично преданный своему господину и стремящийся услужить даже там, где его об этом не просят, чем-то напомнил Дайону его собственных людей: Юрбента, Ферранта, Теодора... Больно кольнуло сознание, что он может никогда не вернуться в привычное и само собой разумеющееся общество обитателей замка.

– Итак, как, ты говоришь, тебя зовут? – спросил Жюст, инстинктивным жестом приглаживая растрепавшиеся волосы.

– Виконт Йонатан де Грандье, – Дайон успел продумать ответ на этот вопрос, пока сидел взаперти. Род де Грандье прервался во время Смуты, и даже если кто-то начнет выяснять подноготную незнакомца, то вряд ли сможет разузнать что-либо наверняка.

– Неужели? Ни больше, ни меньше – виконт? – издевательски протянул Жюст.

– Именно. И, может быть, оставим этот панибратский тон? Признаться, не люблю бесцеремонность.

Жюст усмехнулся. Подпер подбородок сплетенными пальцами.

– Неужели? Интересно, а сам ты никогда не переступал границ дозволенного?

– Переступал. – Дайон скривился. – Неоднократно. Поэтому и не люблю.

– Ну хорошо. Хотя со многими здесь *вам, ваша милость*, в этом плане придется труднее, чем со мной... Если, конечно, проживете достаточно долго, чтобы завести знакомства среди моих людей.

– Угрозы я тоже не люблю, – заметил Дайон и, чуть подавшись к собеседнику, добавил: – Особенно пустые.

– Пустые я и сам не жалую, – серьезно ответил Жюст, и несказанные слова камнем упали между собеседниками. Они с минуту сверлили друг друга взглядами, потом Жюст нехотя кивнул.

– Продолжим. Свое происхождение, как я понимаю, вы не скрываете. А положение в обществе?

– Дворянин на службе.

Об этом Дайон тоже успел подумать. «Присвоить» себе более значимый статус нельзя: судя по всему, Жюст и сам был из таких дворян, и оказаться выше по положению было нежелательно. Это могло вызвать ненужную злобу и излишние подозрения в шпионаже.

– Странно, что мы незнакомы, – завел прежнюю песню Жюст.

Герцог скептически приподнял бровь.

– Вы лично встречались со всеми виконтами королевства? – едко осведомился он.

– Вы сказали, что являетесь подданным Левансии, а здесь я встречал всех.

– Подданным – да. Но я уже много лет живу в Эвендейле, – в который раз Дайон порадовался, что успел продумать ответы на вопросы. – Еще до Смуты мои земли были разорены дедом, отец не смог поправить дела, и я устроился на службу к эрлу.

– Хороший ход, – похвалил Жюст, не отрывая от герцога пристального взгляда.

– Устроиться на службу к Ковентеджу?

– Нет, сказать, что вы живете в Эвендейле.

– Попробуйте доказать, что я лгу.

– Вы не хуже меня знаете, что Раймонд Ковентедж сейчас далеко, к тому же оплакивает недавно почившую от лихорадки супругу. А поскольку отношения Левансии с Эвендейлом и до Смуты были весьма гм... натянутые, проверить ваши слова нам вряд ли удастся.

– В таком случае, вам придется верить мне на слово.

– Или не верить. Как вы попали в наши края?

– Я ведь уже говорил: порталом.

Дайон отлично знал, что подобные повторы – нормальная практика при ведении допроса. Застань человека врасплох, поймай на ошибке – и можно считать словесный поединок выигранным.

– Зачем вам понадобился портал?

– И это я тоже уже говорил. Визит к даме.

– Да-да, я помню. Вы сказали, что это Мод Уиллкок? Которая из двух?

Дайон изобразил утомленный вздох. Впрочем, принять усталый вид было совсем несложно.

– Ни одна из них, как вы правильно заметили.

– Но вы же сказали...

Герцог выставил ладонь, обрывая допрашивающего на полуслове:

– Я сказал, что дама замужем. Как вы понимаете, называть ее настоящее имя я не собирался и не собираюсь.

– Думаете, мы на короткой ноге с ее мужем и можем разрушить семью?

– Думаю, что знакомство с вами будет для нее намного более опасным, чем гнев обманутого мужа.

– Неужели?

– Именно, – Дайон чуть наклонил голову. – В любом случае речь идет о даме, так что компромиссов не будет.

– Это говорит человек, который совсем недавно силой тащил женщину в кусты? – хмыкнул Жюст.

– Спрашивает человек, которому привычнее тащить в кусты мужчин? – парировал Дайон, демонстрируя связанные руки.

И снова знания расходились с делом. Он отлично понимал, что следовало держаться более сдержанно, но отказать себе в удовольствии от едкого ответа не смог.

На лице Жюста заиграли желваки, взгляд стал ледяным.

– Советую вам тщательнее следить за словами, – процедил он. – Ваша жизнь по-прежнему висит на волоске, и это не пустая угроза. Не бойтесь, что если я по-настоящему рассержусь, то попросту прикажу вздернуть вас на ветке?

– Не боюсь. – Дайон постарался придать своему голосу спокойствие, которого не испытывал. – Я неплохо разбираюсь в людях. Если вы прикажете меня повесить, это будет сделано ради безопасности ваших людей, а не из мелкой мести. Но на этот случай могу сказать одно: убейте меня – и вы проиграете. Все и навсегда.

– Не слишком ли много вы на себя берете? – осведомился, скривив губы, Жюст.

По лицу герцога скользнула мимолетная улыбка.

– Вы даже не представляете, насколько я точен в своих определениях.

Его оппонент собирался сказать что-то еще, скорее всего, оспорить смелое заявление допрашиваемого, но тут в палатку вбежал мужчина из лагеря, которого герцог прежде видел лишь мельком.

– Жюст, прибыл гонец из отряда Денизы Арсе! Говорит, срочные новости!

Стул с грохотом полетел на землю. Дайон вскочил, с тревогой взирая на вошедших:

– Что с ней?

– С кем? – не понял вошедший.

– С Денизой Арсе!

Видимо, в его интонациях было столько волнения и одновременно напора, что партизану не пришлось в голову придержать ответ при себе.

– Есть сведения, что герцога собираются везти в город! Теперь Руаж планирует напасть на карету, чтобы его освободить.

– Молчать! – опомнился Жюст.

Партизан спохватился и затравленно посмотрел на хмурившегося пленника.

Дайон не обратил на это внимания, пытаясь понять, откуда поступила информация. Он был совершенно уверен, что за два года заточения его ни разу не выводили за пределы замка. В разные периоды – небольшая тюремная камера в подземелье либо покои в башне с зарешеченным окном. Та же камера, только более комфортная. Иногда юному герцогу дозволялось гулять во внутреннем дворе под неусыпным взглядом многочисленной охраны. Вот, пожалуй и все его перемещения.

Некстати вспомнились ледяные глаза ле Бриенна. И его бесконечные: «Подпишите, герцог! Это – на благо ваших поданных...» Голос звучал в мозгу так явно, что Дайона бросило в холодный пот. Усилием воли он взял себя в руки и взглянул на притихших повстанцев, напряженно следящих за пленником.

– Это – ловушка! – безапелляционно заявил он.

– Неужели? – сразу же усомнился Жюст.

– Подумайте сами, – раздраженно бросил Дайон. – С чего вдруг кому-то понадобилось перевозить герцога?

– Да кто его знает? – Партизан пожал плечами. – Может, показать ему что-то хотят.

– Что? – криво усмехнулся Дайон. – Красивый закат?

– Виселицу. Вчера на площади повесили троих наших, – Жюст скрестил руки на груди. – Возможно, мальчика хотят запугать.

– Да он и так напуган! – возразил Дайон. – Сидит в камере и трясется, как осиновый лист.

– Не смейте так говорить!

Кто-то бросился на герцога, едва не свалив его с ног.

– Мэтью, назад! – приказал Жюст, оттаскивая своего человека. – Если хочешь оставаться моим секретарем, будь добр вести себя сдержаннее! А ты запомни: таких слов я больше слышать не желаю, – жестко обратился он к пленнику. – Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Вполне, – процедил герцог.

Мэтью снова замер у порога, опустил голову, но все равно зло сверкал глазами из-под длинной челки.

– Как это благородно: бить человека, у которого связаны руки, – криво усмехнулся Дайон, дождался, пока парень покраснеет и повернулся к остальным. – Послушайте, мне все равно, разделяете вы мое мнение о герцоге Левансийском или нет, но его никуда не повезут. Это – ловушка, и вы должны предупредить Денизу!

– Кого?

– Руажа. Или кто там за главного, – отозвался герцог, понимая, что едва не выдал себя.

– Что скажешь, Жюст? – подал голос партизан.

– Что нам не стоит обсуждать наши планы при посторонних, – отозвался тот, все еще разглядывая герцога. – Мэтью, прикажи, чтобы пленника увели!

Сколь ни сильно было его желание остаться, Дайону пришлось вернуться в камеру. Он с трудом дождался, пока конвоиры уйдут, а потом напускное спокойствие слетело с него, как не бывало. Герцог заметался по небольшому пространству, словно зверь в клетке.

Больше всего удручала неизвестность. За любую, самую незначительную новость о сестре Дайон отдал бы сейчас целое состояние.

Но состояния у него в данный момент, увы, не было, как не было и ни малейшей возможности узнать, что в итоге решили повстанцы. Оставалось лишь уповать на благоразумие Денизы. Дожила же она, в конце концов, до свадьбы с Ковентеджем.

На этих мыслях Дайон заставил себя успокоиться. Если он хочет вернуться обратно, в свое время, ему нужно сохранять хладнокровие. В конце концов, самообладание герцога Левансийского стало притчей во языцех.

Дайон горько усмехнулся. За последний день он вел себя настолько несдержанно и неблагоприятно, что, даже если слухи об этом дне не угаснут за девять лет, никто не поверит, что именно герцог Левансийский был в плену у повстанцев.

Он выдохнул и медленно опустился на землю, прижался спиной к пружинистым стенам своей тюрьмы. Следовало как следует обдумать допрос. Вспомнить каждую деталь, каждое произнесенное слово, мимику Жюста, его жесты. Составить приблизительный психологический портрет здешнего командира герцогу, пожалуй, уже удалось. Но мысли путались, то и дело перескакивая то на сестру, то на невероятность всего происходящего. А вскоре стало и вовсе не до размышлений.

Лагерь гудел. Мужчины, женщины и подростки сновали туда-сюда. Передавали друг другу веревки и фляги, застегивали куртки, проверяли арбалеты, с преме́рзким звуком подтачивали лезвия кинжалов. Перекидывались на бегу короткими фразами. И в один прекрасный момент до слуха Дайона долетели слова:

– С отрядом Руажа встречаемся у развилки!

Дайон мысленно застонал. Идиоты, они не поверили его словам. Впрочем, он бы и сам не стал доверять непонятному незнакомцу, вывалившемуся из портала. Но он как минимум приказал бы Ферранту проверить сведения. Герцог обреченно посмотрел на связанные руки. На всякий случай дернул ими в надежде ослабить путы. Края ремня больно впились в кожу, но Дайон заметил, что между запястьями образовался просвет. Стиснув зубы, он, невзирая на боль, вновь и вновь пытался развести руки, но ремни оказались очень крепкими.

– Да чтоб его! – вспыхнул герцог.

Он подскочил к прутьям и, преодолевая боль в запястьях, схватился за них, намереваясь хорошенько потрясти. Магические искры полыхнули между пальцами, дерево рассыпалось пеплом. Дайон ошеломленно выдохнул. В отличие от сестры, он не умел контролировать свой дар. Кто бы мог подумать, что способности спонтанно проявятся в такой момент?

Разрушений хватило, чтобы герцог, обдирая кожу о ветки, выбрался из своего узилища, огляделся, и никем не замеченный, прошел к дереву, где стояли мечи. Клинки были остро заточены, и перерезать ремень, стягивающий руки, не составило труда. Растерев покрасневшие от попыток освободиться запястья, Дайон задумчиво осмотрелся, гадая, как предотвратить

самоубийственный план Ферранта. Взгляд упал на Мэтью, торопливо прилаживающего к поясу ножны.

– Куда это ты собрался? – громкий голос Жюста заставил беглеца вздрогнуть. К счастью, Дайон стоял в тени деревьев, и командир лагеря, слишком поглощенный сборами, просто не обратил внимания на бывшего пленника.

– Разве я неясно выразился? – Жюст подошел к своему секретарю вплотную. – Ты остаешься здесь!

– Но...

– Без всяких «но», Мэтью! Ты достаточно натворил дел, и тебе придется ждать нас в лагере! Это – приказ!

Жюст развернулся на каблуках и направился в сторону уже готового выдвинуться отряда. Насупившись, Мэтью стоял и смотрел им вслед до тех пор, пока последний партизан не скрылся в лесу.

– Интересно, что ты такое натворил, что теперь должен оставаться здесь, пока другие сражаются? – Дайон подошел и оперся плечом на дерево. Парень обернулся и подпрыгнул.

– Эй! Сюда! – Он хотел крикнуть, но голос сорвался.

Герцог улыбнулся.

– Спокойнее. Сам понимаешь, если бы я хотел сбежать или причинить тебе вред, то... у меня уже была такая возможность.

– Тогда зачем...

– Зачем я вышел из своей клетки? Все очень просто – я не хочу очередных жертв.

Мэтью усмехнулся.

– Говорите, как лорд Маркус Дегэйр.

Услышав ненавистное имя, Дайон вздрогнул, но сразу же постарался взять себя в руки. В конце концов, он точно знал, что узурпатор получил по заслугам.

– В одни и те же слова можно вложить разный смысл, – пожал плечами герцог.

– И какой же смысл вкладываете в них вы?

– Глупо попадать в ловушку, если тебя о ней предупредили.

Под пристальным взглядом пленника мальчишка чувствовал себя неудобно.

– Откуда мне знать, что вы не врете? – выпалил он.

– Хотя бы потому, что я до сих пор не сбежал. Послушай, парень, вашего герцога никуда не повезут. Они прекрасно понимают, насколько это рискованно. Одно дела – охраняемая тюрьма в охраняемой замке, и совсем другое – карета, сопровождаемая несколькими стражниками. Никто не станет делать этого без крайней необходимости. А уж если бы она возникла, секретность соблюдали бы такую, что ни одна мошка не вылетела бы из замка, если она могла хоть что-то услышать!

Мэтью опустил голову, признавая правоту собеседника. Но тут же вскинулся.

– Но тогда... тогда надо их остановить! Надо сказать Жюсту!

Он ринулся было вперед, но Дайон ухватил его за рукав:

– погоди! Так ничего хорошего не выйдет!

– Но ведь они...

– Твой командир мне уже не поверил. Как ты собираешься его остановить? Что ему скажешь?

– Я... я... не знаю... – сник Мэтью.

– Сначала подумай, потом кидайся в авантюры! – назидательно произнес герцог и горько усмехнулся, вспомнив, как сам стремглав кинулся в тоннель замка.

– Интересно, как собирались действовать вы, – пробурчал парень.

К счастью, у Дайона был ответ.

– Ты знаешь, кто такой Феррант Руаж?

– Конечно! – парень не смог сдержать восхищения.

– Хорошо. Отправишься к нему. И передашь послание. – Дайон требовательно протянул руку, и Мэтью передал ему папку с писчими принадлежностями, которую всегда носил с собой.

Вспомнить шифр, которым они с Феррантом и Денизой пользовались в конце Смуты и еще некоторое время после ее окончания, не составило труда. Судя по услышанному в палатке Жюста, операцией руководил Руаж, поэтому Дайон адресовал письмо ему. Герцог быстро написал несколько строк, подписал: «Друг», сложил лист бумаги и запечатал.

– Держи.

– А что там написано?

– Что готовится ловушка. Главное – успеть перехватить Руажа раньше, чем он отправит отряд на задание! – подчеркнул герцог.

Он чувствовал себя последним негодяем, используя юнца, почти мальчишку, которого Жюст умышленно оставил, чтобы не подвергать опасности, но иначе было нельзя. Слишком много людей погибнет. К тому же в том отряде была Дениза.

– Ну, что стоишь?

– А если... – парень замялся. – Если вы – шпион, и придумали все это, чтобы заманить отряд в ловушку?

Дайон раздраженно выдохнул.

– Тебе не кажется странным, что я позволил себя поймать, привести сюда, рисковал быть убитым по дороге, только для того, чтобы заманить вас в ловушку? Подумай сам, что проще: проделать все это или пустить слух, что лорд Маркус решит повезти герцога в город?

– Верно, – судя по сосредоточенному выражению лица, прежде подобная мысль не приходила парню в голову. – Но тогда...

– Тогда тебе надо торопиться. Если хочешь, можешь позвать часовых и приказать меня связать.

– Не думаю, что это вас удержит. Впрочем, дайте мне слово, что не покинете лагерь до моего возвращения! – потребовал Мэтью.

– По доброй воле и без чрезвычайных ситуаций, – педантично уточнил Дайон. – Беги уже.

– Ладно!

Мэтью умчался, а герцог снова прислонился спиной к дереву. Место под дубом казалось ничем не хуже его камеры, и Дайону было все равно, где ждать.

Глава 4

– Вы? Как вы выбрались?! – изумленное восклицание выдернуло герцога из раздумий. Он взглянул в ту сторону, откуда прозвучал вопрос, и мгновенно (сказалось воспитание) вскочил на ноги. Виола подошла ближе, недоверчиво рассматривая мужчину.

– Вы – Одаренный? – напрямик спросила она. Вопрос был задан таким строгим тоном, что Дайон невольно улыбнулся.

– Да, но я не представляю опасности.

– Почему же? – Виола остановилась перед ним, зачем-то сцепив руки за спиной.

– Я почти не умею пользоваться магией.

– Тем не менее вы выбрались из камеры!

– Считайте это жестом отчаяния. Когда люди волнуются, они совершают то, что в обычной жизни им не под силу.

– Вы были в таком отчаянии, что смогли выйти, но... тогда почему остались в лагере? – Виола внимательно всматривалась в лицо мужчины.

Он вздохнул:

– Во-первых, меня остановят часовые. А во-вторых, я не желаю бежать, только предупредить.

– Предупредить? О чем?

Дайон задумчиво посмотрел на стоящую перед ним девушку. Сколько ей лет? Шестнадцать? Семнадцать? Имеет ли он моральное право втягивать ее в дела войны? Где-то за спиной звякнуло оружие, напоминая, что они находятся в военном лагере, и эта девочка, как и его сестра, давно уже во все втянута.

– Карета с герцогом – ловушка, – коротко сообщил Дайон и сразу ухватил Виолу за руку. – Вы куда?

– Предупредить!

– В этом нет нужды. Я отправил Мэтью с посланием к Ферранту.

– Вы его знаете? – глаза девушки округлились от изумления.

– Кого? Мэтью? Разумеется.

– Ферранта Руажа, глупец! – Виола даже притопнула от негодования.

– Лично – нет, – спохватился герцог, мысленно ругая себя за оплошность. Не стоило называть старшего агента по имени. – Но наслышан о нем.

– И думаете, он поверит незнакомцу?

– Вряд ли, но получив предостережение, он предпочтет проверить сведения еще раз. Руаж умен и осторожен. Он не станет рисковать людьми понапрасну.

– Но нам-то что делать?

Дайон виновато моргнул:

– Только одно – ждать.

Он предложил девушке сесть у дерева и устроился рядом. Если в глубине души герцог думал, что в компании Виолы время будет идти быстрее, то ошибся. Казалось, оно вообще остановилось. Безмятежная тишина леса действовала на нервы хуже любого грохота. Они оба то и дело прислушивались, не возвращается ли отряд, но вокруг ничего не менялось.

Виола не выдержала первой.

– Если вы солгали, никогда не прощу.

Она упрямо сжала губы.

– Меня? – не столько спросил, сколько констатировал Дайон, но получил неожиданный ответ:

– В первую очередь себя.

– Себя-то за что? – изумился герцог.

– Я не присоединилась к своим товарищам, не рассказала им все, что знаю, не рискнула жизнью вместе с ними. Вместо этого бесцельно сижу и жду. Потому что поверила чужому человеку, хотя отлично понимала, что его слова могут быть ложью. А на самом деле, я просто струсила, вот и весь ответ. Побоялась иллюзорной опасности и осталась в надежном месте. Наверное, брат все-таки прав: мне не место на войне. Сопротивление – для смелых, а я – трусиха.

– Ерунда, вы вовсе не трусиха, – возразил Дайон. – Вы – благоразумная девушка, а это совершенно разные вещи. Войну нельзя выиграть, если стремглав бежать навстречу любой опасности.

– Благоразумная? Я? – Виола натянуто рассмеялась. – Да меня все считают взбалмошной и сумасбродной.

– Глупости.

– Спросите у любого в лагере!

– Предпочитаю составить собственное мнение. Вы умны, умеете делать выводы и быстро принимать решения в опасной ситуации. И способны отстаивать свое мнение, даже если другие его не разделяют. Это дорогого стоит. Просто делаете вы это довольно оригинальным образом...

– Скажите, с чего вы все это взяли?

Хоть Виола и делала вид, что ей все равно, было заметно, что слова собеседника ей приятны.

Дайон пожал плечами:

– Человек моего положения обязан разбираться в людях.

– Вашего положения? – насторожилась девушка. – И какое же у вас положение?

– На сегодняшний день – непонятное. – Он усмехнулся, хотя настрой был совсем не радостный. – Так что не стоит винить себя. Со временем вы наберетесь опыта, и все встанет на свои места.

Виола склонила голову набок и устремила на него испытывающий взгляд.

– Странно, – задумчиво протянула она. – По-моему, вы меня поучаете. Но отчего-то это не вызывает раздражения.

– Кто я такой, чтобы поучать? – возразил Дайон. – У меня нет для этого оснований. Я не герой войны. Не ученый, открывший что-то важное. Не монах, достигший стадии единения с богами.

– Вы утверждаете, что виконт, – немного едко напомнила Виола.

– Слухи уже разлетелись по лагерю? – изогнул бровь Дайон.

– А это слухи?

Девушка скрестила руки на груди и тоже подвигала бровями, пытаясь повторить его мимику, что вызвало на губах Дайона улыбку. Заметив это, Виола обиженно нахмурилась, и герцог, почувствовавший первые признаки ссоры, поспешил сгладить ситуацию.

– Да, я виконт. И даже, представьте себе, самый настоящий. Но это означает, что мне предстоит обучить ровно одного человека – своего сына – как управлять нашими землями. Вернее, тем, что от них осталось, – в последний момент спохватился он, вспомнив, что говорил Жюсту. Но девушка не заметила этой оплошности.

– У вас есть сын? – разочарованно спросила она.

– Пока нет, но это дело времени.

– Ваша супруга не считает нужным торопиться?

– Это я не считаю нужным торопиться, – поправил Дайон и зачем-то добавил: – Супруги пока тоже нет. Но в скором времени появится. Куда я денусь?

Он усмехнулся, вдруг осознав абсурдность последней фразы.

– Вы так говорите, как будто не горите желанием вступать в брак, – заметила Виола, не придав значения выражению лица собеседника.

– Не горю, абсолютно, – подтвердил он.

В других обстоятельствах он никогда не стал бы обсуждать подобные вещи с посторонним человеком. Но нынешние обстоятельства так разительно отличались от обычных, что подобная откровенность показалась Дайону не только не предосудительной, но даже уместной.

– Но собираетесь? – стремилась разобраться Виола.

– А разве у меня есть выбор? Я обязан передать свои земли законному наследнику. Женитьба – не более чем ступень к достижению этой цели.

– А, знаете, это занятно, – протянула девушка. – У меня по сути точно такая же ситуация. Все ждут, что я выйду замуж «за подходящего человека», – последние слова она произнесла, явно пародируя кого-то из знакомых. – Чтоб жить так, как установило общество. Чего я хочу на самом деле, занимает их в последнюю очередь.

– А чего вы хотите?

Она задумалась, а потом опустила голову:

– Раньше я мечтала путешествовать. Объездить весь мир. Сейчас... сейчас уже не знаю. Мне кажется, теперь все хотят только одного – чтобы весь этот кошмар закончился.

Дайон внимательно посмотрел на девушку. Она сорвала колокольчик и зачем-то вертела его в руках. Юная и хрупкая, она и сама казалась цветком, который вот-вот распустится.

В ее возрасте прячут от посторонних глаз куклы и начинают выезжать на балы, очаровывая приятелей детства. Но Виола, как и Дениза, была лишена такой роскоши. Что станет с ней дальше? Доживет ли она вообще до того времени, когда закончится Смута?

Какое-то время они просто молчали, сидя рядом и обдумывая сказанное. Дайон приоткрыл было рот, собираясь продолжить разговор, но его прервал громкий возглас:

– Они возвращаются!

Виола вскочила на ноги, герцог последовал ее примеру. Пока никого не было видно. О прибытии отряда возвестил юноша приблизительно того же возраста, что и Мэтью, забравшийся на дерево и сейчас размахивающий рукой, опасно балансируя на покачивающейся ветке.

Сердце тревожно забилося в ожидании новостей о судьбе Денизы, и все же Дайон, сумев отвлечься от личного, неодобрительно покачал головой. Здесь слишком много мальчишек, неопытных, еще не научившихся здраво мыслить. И они слишком часто рискуют головой, хоть командиры вроде Жюста и пытаются по мере возможности ограждать их от опасности. Герцог ведь ни на секунду не поверил, что Жюст отказался брать с собой Мэтью из-за того, что тот якобы «натворил дел». Он просто нашел предлог, чтобы уберечь мальчишку, а заодно заставил того испытывать угрызения совести, чтобы добиться послушания. Дайон, возможно, не был гением стратегии, но кое-что понимал в манипулировании.

Между тем из-за деревьев наконец стали появляться повстанцы. Мрачные, утомленные, скупно отвечающие на приветствия тех, кто остался в лагере. Не выдержав, Виола подхватила юбки и побежала им навстречу. Герцог тоже сделал несколько шагов в их направлении, но затем остановился, опасаясь, что его вернут в «камеру» прежде, чем он успеет получить хоть какую-то информацию. Между тем до поляны добрались мужчины, несущие на носилках раненого. Еще один ковылял следом, опираясь на плечо товарища. Сердце оборвалось. Похоже, отряд все-таки попал в ловушку. Углядев Мэтью, Дайон схватил его за рукав и утянул в тень ближайшего вяза.

– Что там? – спросил он, чувствуя себя так, будто все внутренности разом заledenели.

– Я передал послание, – шепотом ответил Мэтью. – Феррант очень разволновался, когда его увидел. Кажется, он хотел расспросить меня, но времени не оставалось. Я не все слышал, но вроде бы у него была еще какая-то причина подозревать ловушку. Он сказал, что ваше письмо это подтвердило, и надо все отменить.

– Тогда почему здесь раненые?

– Потому что... – Паренек шумно выдохнул и продолжил: – С Жюстом они договорились быстро, и обоим отрядам объявили, дескать, отбой, расходимся. Но некоторые не захотели слушать. И наши, и те, которые из города. Они решили действовать самостоятельно.

– Идиоты! – процедил герцог. – Неужели так сложно просто послушаться командиров!

– У нас не армия, – вскинулся Мэтью. – Здесь все по доброй воле. Не по чьему-то приказу, а по зову чести!

Дайон закатил глаза. Парень явно цитировал чьи-то слова, и этот кто-то, похоже, знал, как привлечь на свою сторону наивных юнцов. Впрочем, если бы не такие юнцы, возможно, он, Дайон, до сих пор бы сидел в заточении и, скорее всего, давно бы сошел с ума. Безумный герцог! Что может быть лучше для узурпаторов? Он горько усмехнулся и потрянул головой. Поиронизировать можно было и позже.

– Продолжай, – приказал герцог парню, который начинал странно на него коситься.

– Они направились туда, где планировалась засада... Мы хотели остановить их, но не успели. Когда карета подъехала, она взорвалась. Все, кто оказался рядом... они просто... – Мэтью заметно побледнел и потрянул головой, отгоняя воспоминания.

– Их разорвало на части, верно? – Дайон вспомнил, какой могущественной может быть сила разрушения. Одна из причин, по которым он не желал обучаться магии.

– Да.

– А остальные?

– Тех, кто дежурил у дороги, тоже зацепило, но они выжили.

Мэтью кивнул в сторону раненых, которых как раз уложили недалеко от костра. Местная травница суежилась, переходя от одного к другому. Виола помогала ей, подавая то бинты, то какие-то склянки.

– Что дальше? – не позволил парню отвлечься Дайон.

– Открылся портал и оттуда вывалились стражники. Их было слишком много... Жюст приказал подхватить раненых и отступать. Вот и все.

Он выдохнул, пытаясь изгнать из головы кошмарные воспоминания. Герцог вздохнул.

«Бесполезно, парень, – так и хотелось сказать ему. – Эти кошмары будут преследовать тебя всю жизнь. И каждую ночь ты будешь просыпаться в холодном поту».

Он снова внимательно посмотрел на Мэтью, решаясь.

– Что с Денизой Арсе?

При мысли о сестре он будто осип и с трудом смог выговорить ее фальшивое имя.

– Ее там не было, – отозвался парень.

– Как?!

Герцог не смог сдержать вздох облегчения.

– Она вроде бы на какой-то важной встрече где-то далеко, может, даже не в Левансии. Ну, мне подробностей не рассказывают. А вы ее знаете?

Дайон покачал головой. Неважно, в Левансии Дениза или нет, главное, что подальше от сегодняшней мясорубки. «И поближе к какой-нибудь другой», – мысленно «успокоил» сам себя он. И усмехнулся собственным тревогам. Все-таки глупо было с его стороны так сильно беспокоиться о ней сейчас, учитывая, что он точно знает: Дениза пережила эту войну и вышла победительницей.

– Эй! – Жюст, основательно потрепанный, с липнувшими ко лбу волосами и забрызганной кровью одежде, сверлил Дайона тяжелым взглядом. Еще двое членов отряда стояли чуть позади с оружием наготове. – Как ты выбрался на свободу?

Дайон молчал, сложив руки на груди. Рационально он отлично понимал правильность действий командира, но панибратское обращение и необходимость давать отчет кому бы то ни

было выводили из себя. Даже король не позволял себе подобного тона. Отчасти – из искреннего уважения к герцогу, отчасти – опасаясь столь могущественного вассала.

– Молчишь? – Жюст тоже начинал сердиться.

– Набираюсь сил для других вопросов, более содержательных, – отозвался Дайон. – Их ведь, полагаю, будет много? Правда, не знаю, есть ли смысл отвечать, если мои слова будут игнорироваться, как прежде. Этого, – он выразительно посмотрел в сторону раненых, над которыми по-прежнему колдовала травница, – можно было избежать.

– Может быть, врезать ему хорошенько? – выступил вперед Анри, которому, похоже, очень хотелось выместить хоть на ком-нибудь горечь поражения.

– Остынь, – оборвал его Жюст, не отрывая взгляда от Дайона. – Ладно... Граф, виконт или как-вас-там... Как вы узнали о ловушке?

Герцог оценил жест командира и тоже пошел навстречу. Тем более что ответ на этот вопрос он успел обдумать.

– У Ковентеджа тоже есть своя разведка. Я недавно общался с Родриго Армистедом. Если бы Дайона л'Эстре планировали вывозить из замка, Армистед наверняка бы об этом знал. А спонтанно такие решения никто не принимает.

– Это могли хранить в секрете.

Дайон покачал головой:

– Подготовка была бы заметна: усиленные посты, охрана... Нет, мальчишка слишком ценный заложник, чтобы так рисковать.

– Да врет он все! – вмешался длинноволосый громила, которого Дайон если прежде и видел, то только мельком. – Небось специально голову нам морочил! Пока он не появился, все шло хорошо, а теперь Мэл и Кирк погибли, и их уже не вернешь.

Герцог стиснул зубы. Как ни верти, гибель этих Мэла и Кирка была на его совести – как и гибель многих других.

– Мэл и Кирк погибли, – Жюст прикрыл глаза, но говорил при этом громче и четче, чем обычно, – потому что не послушались приказа и дали волю эмоциям. – Он шумно выдохнул и поднял взгляд на блондина. – Я скорблю не меньше тебя, Гийом. Но у нас важная миссия. И для того, чтобы добиться своего, а заодно выйти из этой войны с наименьшими потерями, нам нужно думать головой. Головой, черт подери! И принимать правильные решения!

Дайон смотрел на командира отряда с возрастающим изумлением. Тот, кого называли Гийомом, покачал головой:

– Он пришел неизвестно откуда и сразу стал вмешиваться в наши дела!

Он обличительно вытянул руку, и Анри на всякий случай встал между ним и Дайоном, на этот раз с целью обезопасить пленника.

– Он пришел неизвестно откуда, – согласился Жюст. – И его история звучит не слишком достоверно. Но когда мы чуть не шагнули в лапы противника, он предупредил нас – и оказался прав.

– Просто пытался втереться к нам в доверие!

– Зачем? – Жюст устало провел по лбу тыльной стороной ладони. – Мы здесь не такие важные птицы. А если бы у лорда Маркуса все получилось, от нашего отряда и вовсе ничего бы не осталось. К тому же, если бы к нам надумали заслать шпиона, его версия наверняка звучала бы более убедительно.

– Возможно, – не собиравшись отступать Гийом. – Но все равно этот тип кажется мне подозрительным.

– Как и вы мне, – не выдержал Дайон.

– Вот как? Это еще почему?

– Потому что вы ослушались приказа и не увели своих людей, когда узнали о грозящей им опасности. – Командирский статус длинноволосого был всего лишь предположением, но,

судя по полыхающим щекам оппонента, герцог попал в десятку. – Вы заранее решили, что я – шпион, и, отбросив здравый смысл, кинулись в бой, за что и поплатились жизнями своих людей.

Гийом сжал кулаки и, вне всяких сомнений, приготовился дать резкий ответ, но Жюст его опередил:

– Хватит! Не хватало нам еще внутренней распри! Сейчас всем необходим отдых, поэтому расходитесь! Сегодняшние ошибки обсудим завтра. А здесь я закончу сам.

Напоследок посверлив герцога гневным взглядом (а как же без этого?), несостоявшийся противник ушел. Успевшая собраться толпа наблюдателей тоже начала рассасываться.

– Полагаю, меня вы теперь отправите отдыхать в деревянную клетку? – с принужденным смешком поинтересовался Дайон.

– А как бы вы поступили, если бы я вас отпустил? – осведомился вместо ответа Жюст.

– А вы собираетесь меня отпустить?

– Я этого не говорил.

Дайон пессимистично покачал головой. Обстоятельства складывались пока не лучшим для герцога образом, но в целом Жюст был ему, пожалуй, симпатичен.

– Ну хорошо, – кивнул он, принимая правила игры. – Если бы я смог отправиться на все четыре стороны... Дайте-ка подумать... Первым делом я бы отправился в город и попытался проверить, не ищут ли меня мои люди. Как я уже говорил, мой маг перемудрил с порталом. Возможно, он понял свою ошибку, вычислил, куда именно я перенесся, и теперь пытается меня разыскать.

Хотелось, до чего же хотелось поверить, что такое возможно! Но, увы, никакой маг герцога не переносил. Сработала пока еще самому Дайону непонятная система. А следовательно, вряд ли кому бы то ни было придет в голову, что он мог оказаться в прошлом. А даже если и придет, способен ли хоть кто-нибудь отправиться сюда за ним?

– Возможен и другой вариант: меня не ищут, – признал вслух герцог. – Маг так и не понял, что натворил. Или, хуже того, заслал меня сюда не случайно, а по злему умыслу. Если так, мне нужно самому искать способ вернуться назад. Но это займет время. Не имею ни малейшего представления, сколько времени.

Вот сейчас он говорил правду. Он непременно станет искать способ вернуться в будущее. Или настоящее... Тут уже сам черт ногу сломит. Раз перемещение во времени сработало один раз, должно сработать снова, вопрос лишь, как именно. Тут могут помочь книги, артефакты, маги редкой специализации...

– Обстановка в городе сложная, вы это знаете лучше меня, – продолжал Дайон. Никто не заставлял его объясняться с Жюстом столь подробно, но герцог счел, что так будет лучше. Подобные «мысли вслух», не вполне точные, но приближенные к правде, насколько это было возможно, придавали его истории достоверности. Во всяком случае, он хотел на это надеяться. – У меня нет здесь хороших знакомых, которым бы я доверял в должной мере. К друзьям местной власти я тоже не отношусь. Поэтому, сколь бы парадоксально это ни прозвучало, я предпочел бы остаться в вашем отряде. С правом время от времени посещать город. Вот теперь я дал наиболее полный ответ на ваш вопрос.

– С нами? Любопытно. – Жюст недоверчиво прищурился. – Но ведь вас, кажется, ждет любовница? Отчего бы не переждать у нее?

– Меня давно никто не ждет, – махнул рукой Дайон.

И это тоже было правдой. После замужества Денизы герцог все острее ощущал свое одиночество.

– К тому же я уже доказал, что могу принести пользу. Считайте, что я предлагаю вам взаимовыгодное сотрудничество. Вы помогаете мне выжить в этом безумии, которое называют

Смутой, и не мешаете искать путь домой. Я же делюсь с вами имеющейся в моем распоряжении информацией и в целом стараюсь быть полезным.

– Информацией?

– Как я уже говорил, последние годы я служил у Ковентеджа. Уверяю вас, эрл знает многое из того, что происходит у его соседей. Да и лишняя пара рук в отряде наверняка не помешает.

– Возможно, вы и правы... Если только вы не шпион. – Жюст устало вздохнул. – В любом случае скоро смеркается, да и день был тяжелый. Думаю, нам лучше решить все вопросы завтра на свежую голову.

Он окликнул Мэтью и распорядился принести в «камеру» походную кровать и простыни.

– Все-таки в клетку? – криво усмехнулся Дайон.

Жюст одарил его мрачным взглядом:

– Мы не станем вас запирать, это бесполезно. Но учтите: часовым я отдам приказ убить вас, если вы попытаетесь бежать.

– Главное, чтобы они не переусердствовали без причины, – холодно обронил герцог.

Глава 5

Весь вечер Дайон провел в той самой клетке, которую теперь благородно переименовали в «палатку». Фактическая разница заключалась в том, что теперь вход не перекрывали прутья, а выжженную часть просто занавесили парусиной. Герцога это вполне устраивало. Слишком много событий произошло, и все они требовали спокойного осмысления.

В палатку бесцеремонно вошли двое мужчин. С собой они принесли крепкие ветки и веревки, из которых соорудили некое подобие походной кровати. После чего все тот же Мэтью принес набитый соломой матрас и даже стопку постельного белья.

– У костра все собираются на ужин, – сообщил он.

Дайон поморщился и покачал головой. Выйти означало привлечь к себе всеобщее внимание, а он слишком устал от событий этого дня.

– Я могу принести вам еду, – спохватился Мэтью, совершенно верно истолковав выражение лица собеседника.

– С чего вдруг? – Дайон склонил голову набок, пристально его рассматривая.

– Потому что... – Парень сначала покраснел, а потом выпалил: – Потому что вы не шпион! И вы спасли наших! И я... я не должен был...

Он окончательно смутился.

– Нет, ты все сделал правильно, – хмыкнул герцог, прекрасно понимая, что таким способом Мэтью пытается извиниться за свое поведение в палатке Жюста. – Но я все равно буду признателен, если ты сможешь принести мне что-нибудь сюда.

– Конечно! – Парень радостно выскочил и вскоре вернулся, неся глиняную миску с овощным рагу и кружку с травяным взваром. – У нас не каждый день мясо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.